

ШОГИ ЭФФЕНДИ

ЗАКОНОЦАРСТВИЕ БАХАУЛМЫ

Издано централизованной
религиозной организацией «Община
последователей веры Бахаи в
России»,
г. Москва, 121099,
Панфиловский пер., 5-4,
8(499)2418519

СОДЕРЖАНИЕ

Бахаулла	5
Баб.....	39
Абдул-Баха.....	49
Административный Порядок	63

БАХАУЛЛА

О собратья, возделывающие Священный Виноградник!

23 мая сего благословенного года мир Бахаи отметит 90-ю годовщину основания Веры Бахауллы. Нам, находящимся на пороге заключительного десятилетия первого века эры Бахаи, необходимо остановиться ненадолго, чтобы задуматься о таинственной благодати этого столь величественного, поистине судьбоносного Откровения. Как огромна и впечатляюща панорама, открывающаяся нашим глазам на исходе этих девяти десятилетий! Ее непревзойденное величие потрясает нас. Если непредвзятый наблюдатель окинет взором это не имеющее себе равных зрелище, представит себе, хотя бы в общих чертах, обстоятельства зарождения и постепенного раскрытия этого высшего Богоявления, воссоздаст в памяти лишь основные вехи трагического противостояния, ознаменовавшего подъем и ускорившего его продвижение вперед, то он убедится в жизненности тех вечных истин, которые поддерживают это Явление и будут и впредь служить источником его развития — пока оно не займет подобающего ему высокого положения.

И над всем этим захватывающим зрелищем возвышается несравненная фигура Бахауллы — Он предстает исполненный спокойствия, недостижимый в Своем величии, внушающий благоговение, невыразимо прекрасный. Рядом — Другой, хотя и подчиненный Ему по положению, но наделенный властью свыше и правом вершить вместе с Ним судьбы сего высочайшего Законоцарствия: это сияет перед нашим мысленным взором ранняя слава Баба, излучающего безграничную нежность, неотразимого в Своем обаянии, непревзойденного в Своем героизме, безупречного при всех драматических обстоятельствах Своей короткой, но столь богатой событиями жизни. И, наконец, предстает, хотя и на другом уровне и в совершенно ином качестве, отличном от двух предшествующих Ему Фигур, исполненная жизненной силы и магнетической притягательности личность Абдул-Баха, в которой отражаются слава и мощь в такой степени, что ни один человек, сколь бы высоким ни было его положение, не может и надеяться сравниться с ними, — слава и мощь, которыми наделены лишь Богоявления.

С вознесением в мир иной Абдул-Баха, и в особенности с уходом от нас Его возлюбленной и выдающейся сестры, Несравненного Листа от Священного Древа, — последней из оставшихся в живых участников событий славного героического века — закончилась первая и самая волнующая глава истории бахаи, что ознаменовало завершение Начальной, Апостольской эпохи Веры Бахауллы. Именно Абдул-Баха, благодаря положениям Своей авторитетной Воли и Завещания, создал то крайне необходимое звено, что навсегда связало век ушедший с веком, в котором мы живем — Переходным и Созидательным. Эта эпоха в назначенный срок завершится порой цветения и плодоношения — подвигами и победами, которые возвестят о приходе Золотого века Откровения Бахауллы.

Горячо возлюбленные друзья! Сейчас мы воочию видим стремительные силы, столь чудесным образом высвобожденные двумя Явителями; силы эти, благодаря заботам избранных распорядителей Веры, широко раскинувшей свои ветви по всему миру, постепенно собираются воедино и упорядочиваются. Постепенно они обретают форму, образуя институты, что в свое время будут признаны гордостью и славой эпохи, которую мы должны приблизить и обессмертить своими деяниями. Ибо именно от наших сегодняшних усилий и, прежде всего, от нашей готовности строить свою жизнь по образцам величайшего героизма, завещанным ушедшей эпохой, будет зависеть эффективность создаваемых нами сейчас инструментов, чье предназначение — заложить основу того благословенного Сообщества, которое станет знаком наступления Золотого века нашей Веры.

Обращаясь к этому столь богатому героическими подвигами времени, я не ставлю своей задачей хотя бы вскользь обозреть все важнейшие события, произошедшие с 1844 года по сей день. Также не стремлюсь я проанализировать силы, ускорившие их, либо оценить их влияние на народы и общественные институты всех континентов. Подлинные свидетельства о жизни первых верующих начальной эпохи нашей Веры, а также кропотливые изыскания, которые компетентные

историки-бахай проведут в будущем, оставят для грядущих поколений столь великолепную картину этих событий, какую я, несмотря на все свои усилия, не в силах описать. Моя главная задача на этом переломном этапе истории бахай состоит скорее в том, чтобы привлечь внимание тех, на кого возложена миссия построения Административного Порядка Бахауллы, к отдельным основополагающим истинам, ясное понимание которых весьма поможет им в выполнении их грандиозной задачи.

Международный статус, которого к этому времени достигла Религия Бога, настоятельно требует того, чтобы ее исходные принципы были до конца разъяснены. Беспрецедентный рост Дела в Америке в результате самоотверженных усилий верующих; глубокий интерес, который вызывает у различных народов первый на Западе Машрикул-Азкар; подъем и постепенное укрепление институтов бахай по меньшей мере в сорока самых развитых странах мира; издание литературы бахай на двадцати пяти (по самым скромным подсчетам) наиболее распространенных языках мира; успех, недавно увенчавший усилия персидских верующих на начальной стадии подготовки к возведению третьего в мире Бахай Машрикул-Азкар в пригороде Тегерана; меры, предпринимаемые для немедленного учреждения их первого Национального Духовного Собрания, которое представляло бы интересы подавляющего большинства приверженцев Веры; планируемое воздвижение еще одного столпа Всемирного Дома Справедливости — первого в южном полушарии; свидетельства, как устные, так и письменные, подтверждающие, что борющаяся за существование Вера получила признание монархов и правительств, международных судов и высоких духовных сановников; известность, которую обретает Вера после обвинений, выдвигаемых против нее безжалостными противниками — как в прошлом, так и в настоящем; формальное освобождение части ее последователей от пут исламской ортодоксии в стране, которая может считаться самой просвещенной в исламском мире, — все это самым убедительным образом свидетельствует о растущей силе непобедимой общины Величайшего Имени, которая движется к своей окончательной победе.

Горячо возлюбленные друзья! Ввиду возложенных на меня обязанностей и моего положения Хранителя Веры Бахауллы, я считаю своим долгом на нынешнем этапе, когда общественный интерес к нам все более усиливается, привлечь ваше внимание к определенным истинам, составляющим основу нашей Веры, — тем истинам, чистоту которых мы обязаны сохранить в первую очередь. Если мы будем бесстрашно утверждать их и соответствующим образом опираться на них, наши духовные силы — я в этом убежден — многократно умножатся, и это окажет неоценимую помощь в противостоянии проискам непримиримого и бдительного врага.

Стремление более полно постичь значимость величайшего Откровения Бахауллы — вот что, по моему глубокому убеждению, должно быть первой обязанностью и целью постоянных усилий каждого из Его верных последователей. Точное и глубокое понимание столь всеобъемлющей системы, столь возвышенного откровения, столь священного долга по очевидным причинам превышает возможности и познания нашего ограниченного разума. Мы, однако, можем — и безусловно должны — стараться обретать более ясное понимание истин, заключенных в Его Вере, и принципов, лежащих в ее основе, ибо это станет дополнительной опорой и новым вдохновением в наших трудах по ее распространению.

В письме, адресованном американским бахай, давая объяснения по поводу положения Баба, я кратко упомянул о несравненной величии того Откровения, скромным Предтечей которого Он Сам Себя считал. Тот, Кого Бахаулла в *Китаб-и-Иган* провозгласил обетованным Каимом, Кто явил по меньшей мере двадцать пять из двадцати семи букв, открыть которые были призваны все Пророки, — этот великий Явитель возвестил приход того высшего Откровения, которое вскоре придет на смену Его Откровению. *«Зародыш, в коем заключены скрытые возможности грядущего Откровения, — утверждает Баб в Персидском Байане, — наделен большей силою, нежели силы всех, что следуют за Мной».* И вновь Он утверждает: *«Из всех слов почтения, что Я выразил Тому, Кто придет после Меня, величайшее есть сие письменное признание Мое в том, что ни одно Мое слово не может достойно описать Его и ни одно упоминание о Нем в Моей Книге, Байане, не воздает должное Его Делу».* *«Байан, — решительно заявляет Он в той же Книге, — и все, кто с ним, возвращаются вокруг речения Того, Кого явит Бог, так же как Алиф [Евангелие] и все, кто с ним, вращались вокруг речений Мухаммада, Апостола Божиего».* *«Тысячу раз прочесть Байан, — продолжает Он, — ничто по сравнению с прочтением единственного стиха из Откровения Того, Кого явит Бог... Ныне Байан — лишь семя; с приходом Того, Кого явит Бог, предстанет он во всем совершенстве... Влюбленный так не жаждет свидания с возлюбленной,*

как Байан и уверовавшие в него —Его явления... Вся слава Байана исходит от Того, Кого явит Бог. Благословен верующий в Него, и горе отвергающему Его истину».

Обращаясь к сийиду Йахйа-и Дараби, прозванному Вахидом,— самому просвещенному, красноречивому и влиятельному из Своих последователей,— Баб предупреждает: *«Клянусь праведностью Того, Чья сила заставляет семя взойти, Кто вселяет дух жизни во все сущее,— доведись Мне узнать, что в день Его явления ты отвергнешь Его, и Я решительно откажусь от тебя и отрекусь от твоей веры... С другой стороны, коли сказали бы Мне, что христианин, не признающий Мою Веру, в Него уверует, стал бы он Мне дороже зеницы ока».*

В одной из Своих молитв Баб так обращается к Бахаулле: *«Возвышен Ты, о Господь мой Всемогущий! Сколь бессильно и ничтожно слово мое и все, что от меня, если не связано оно с Твоей великой славою! Сделай так, дабы при поддержке Твоей благодати все, что подобает мне, было принято пред ликом Твоим».*

В Каюм-ул-Асма — толковании Баба к суре Иосифа,— которую Автор Китаб-и-Иган называет *«первой, величайшей и могущественнейшей»* из книг, явленных Бабом, мы находим следующие упоминания о Бахаулле: *«О великий и всемогущий Господин, Своей небесной мощью Ты вызвал меня из небытия, возрастил и возвысил меня, дабы провозглашать мне сие Откровение. Ни на кого иного не уповаю я, кроме как на Тебя; ничьей не следую я воле, кроме Твоей... О Частица Божия! Свою жизнь я всецело посвятил Тебе; я сносил проклятия во имя Тебя и жаждал лишь мученичества на стезе Твоей любви. Достаточно мне в свидетели Бога, Защитника, Возвышенного и Предвечного». «И когда придет назначенный час,— вновь обращается Он к Бахаулле в том же труде,— яви нам по воле Бога Всемудрого, с вершины Высочайшей и Таинственнейшей Горы, хотя бы слабый, неизмеримо малый отблеск Твоей Непроницаемой Тайны, дабы распознавшие сияние Славы Синайской лишились чувств и ушли в мир иной, узрев в сполохи спящего багряного Света, что окружает Твое Откровение».*

Еще одно свидетельство величия Откровения, связанного с Бахауллой, мы находим в следующем отрывке из Скрижали Абдул-Баха, адресованной одному из видных последователей Веры, прежде исповедовавшему Зороастризм: *«Ты пишешь, что в священных зороастрийских книгах предвещается, будто в последние дни в трех независимых Законоцарствиях солнце должно остановиться. В первом Законоцарствии, как обетовано, солнце будет неподвижным десять дней, во втором — вдвое дольше и в третьем — не менее месяца. Сие пророчество может быть истолковано так: первое Законоцарствие, упомянутое в нем, есть Законоцарствие Мухаммада, во время которого Солнце Истины остановилось на десять дней. Каждый день приравнивается столетию. Законоцарствие Мухаммада, таким образом, должно было просуществовать не менее тысячи лет. Это точно соответствует времени от захода Звезды имамата до начала Законоцарствия, возведенного Бабом. Второе Законоцарствие, упомянутое в этом пророчестве, связано с Самим Бабом — оно началось в 1260 году Хиджры и завершилось в 1280 году. Что касается третьего Законоцарствия — Откровения, возведенного Бахауллой,— то, поскольку Солнце Истины в час, когда оно достигло сей точки, находилось в зените и в полноте своего сияния, продолжительность сего цикла составит месяц — весь период, необходимый солнцу для того, чтобы пройти через знаки зодиака. Так ты можешь представить себе, какова будет длительность цикла Бахаи — цикла, который охватит промежуток времени не менее чем в пятьсот тысяч лет».*

Из этого текста, содержащего ясное и авторитетное толкование столь древнего пророчества, явствует, насколько важно для каждого преданного последователя Веры признать священное происхождение и независимый характер Законоцарствия Мухаммада. Более того, в этих строках косвенно признается законный статус имамата — института, установленного волей Божией, прямым потомком наивыдающегося представителя которого был Сам Баб, института, на протяжении по меньшей мере двухсот шестидесяти лет являвшегося избранным восприемником водительства Всемогущего и вместилищем одного из двух наиболее ценных наследий Ислама.

Далее мы должны признать, что в том же пророчестве утверждается независимый характер Законоцарствия Баба и косвенным путем устанавливается истина, гласящая, что в соответствии с принципом прогрессивного откровения каждое новое Божоявление дарует людям своего времени более полную меру Божественного руководства, чем та, которую могли принять и понять люди в предшествующие века, когда они были менее восприимчивы. Именно поэтому, а не по причине

какого-то особого достоинства, присущего Вере Бахаи, это пророчество действительно свидетельствует о несравненной славе и мощи Законоцарствия Бахауллы — Законоцарствия, чьи скрытые возможности мы только сейчас начинаем различать, будучи не в силах даже представить себе их полный размах.

Если мы хотим постичь глубочайший смысл Послания Бахауллы во всей полноте, то должны рассматривать Его Веру как завершение цикла, как последнее звено всей цепи сменяющих друг друга, предварительных и прогрессивных откровений. Все они, начиная с Адама и заканчивая Бабом, прокладывали дорогу и все более ясно возвещали наступление Дня Дней, когда должен будет явиться Тот, Кто есть Обетованный всех веков.

Эту истину подтверждают многочисленные высказывания Самого Бахауллы. Простого обращения к заявлениям, которые Он неоднократно выдвигал в Своих пламенных, исполненных неодолимой силы посланиях, вполне достаточно для того, чтобы представить характер Откровения, избранным носителем которого Он был. Поэтому, чтобы до конца осознать всю значимость и глубину этого мощного Откровения, мы должны обратиться к словам, которые вышли из-под Его пера и являются его первоисточником. Заявляя о беспрецедентном притязании, выдвинутом Им, упоминая о таинственных силах, приведенных Им в движение, восхваляя славу Его долгожданного Дня и возвеличивая высоту положения тех, кому дано познать его скрытую суть, Бахаулла — и это почти в той же мере относится к Бабу и к Абдул-Баха — оставляет в дар потомкам россыпи таких сокровищ, которые никто из нас, принадлежащих этому поколению, не в состоянии по достоинству оценить. Свидетельства, касающиеся этой темы, источают такую силу и исполнены такой красоты, что лишь те, кто сведущ в языках, на которых они были написаны в оригинале, могут отдать им должное. Число этих свидетельств столь велико, что собрание лишь наиболее ярких из них составило бы увесистый том. Все, что я в состоянии сделать сейчас — это представить вашему вниманию несколько отрывков, которые я смог выбрать из Его многотомных писаний.

«Я свидетельствую пред Богом,— возвещает Бахаулла,— о величии, о несравненном величии сего Откровения. Вновь и вновь почти во всех Наших Скрижалях подтверждаем Мы сию истину, дабы род человеческий пробудился от своей беспечности». «В сем могущественнейшем Откровении,— недвусмысленно заявляет Он,— все Законоцарствия прошлого получили высшее и окончательное завершение». «Явленное в сем выдающемся, в сем наивозвышенном Откровении не имеет подобия в анналах истории, и грядущие века не станут свидетелями подобного!». «Он есть Тот,— говорит Он о Себе,— Кто в Ветхом Завете назван Иеговой, Кто в Евангелии именуется Духом Истины, а в Коране — Великим Возвещением». «Когда бы не Он, ни один Божественный Посланник не был бы облачен в одежды пророка и ни одно Священное Писание не было бы явлено. Сему свидетельствует все сотворенное». «Слово, кое единый Бог истинный изрекает в сей день, наделено высшими, исключительными отличиями, хотя само слово — из числа самых обычных и знакомых». «Большая часть человечества не достигла зрелости. Обладай оно достаточной способностью восприятия, Мы наделили бы его такой щедрой мерой Нашего знания, что все обитатели небес и земли стали бы, чрез силу струящейся с Нашего Пера благодати, совершенно независимыми от всякого знания, кроме знания Божиего, и упрочились бы на троне неизменного спокойствия». «Перо Святости — торжественно утверждаю Я пред Богом — начертало на Моем белоснежном челе письменами лучезарной славы сии благоухающие мускусом, святые слова: “Узрите, о вы, обитатели земли, и вы, жители небес, свидетельствуйте, что поистине Он есть ваш Наивозлюбленный. Он есть Тот, подобного Кому не видели миры творения, Чья чарующая красота улаживает очи Бога, Вседержителя, Всемогущего, Несравненного!”».

«Последователи Евангелия,— обращается Бахаулла к христианам,— узрите: отверзлись врата небес. Тот, Кто некогда вознесся на них, явился ныне. Внимайте Его гласу, что звучит над морями и землями, возвещая всему роду человеческому весть о пришествии сего Откровения — Откровения, чрез кое Уста Величия изрекают ныне: “Внемлите — священный Обет исполнен, ибо Он, Обетованный, явился!”». «Глас Сына Человеческого раздастся из священной долины: “Здесь Я, здесь Я, о мой Боже!”... а из Неопалимой Купины слышен ответный глас: “Внемлите, вот Тот, Кто есть Желание мира, явлен в Его небесной славе!” Отец пришел. Исполнилось то, что было обещано вам в Царствии Божием. Вот Слово, кое Сын сокрыл, сказав тем, кто Его окружал, что ныне им не под силу вместить сие... Дух Истины явился, дабы вести вас ко всякой

истине... Он есть Тот, Кто восславил Сына и возвысил Дело Его...». «Утешитель, Чей приход предвещен во всех Писаниях, ныне явился, дабы открыть вам все знание и мудрость. Ищите Его по всей земле и, быть может, обретете Его».

«Воззови к Сиону, о Кармель,— пишет Бахаулла,— и поведай радостную весть: пришел Тот, Кто был сокрыт от взоров смертных! Явлено Его всепобеждающее господство; воссияло Его всеохватное великолепие... Поспеши и обойди вокруг Божиего Града, что спустился с небес,— Божественной Каабы, вокруг коей шествовали в восхищении Божии избранники, чистые души и сонмы вышних ангелов». «Я есть Тот,— утверждает Он в другом отрывке,— Кого превозносили уста Исаяи, Тот, Чье имя украшает и Тору, и Евангелие». «Синай обращается вокруг Утренней Зари Откровения, а с высот Царствия слышно, как Глас Духа Божиего возвещает: “Стряхните с себя оцепенение, о гордецы земли, и поспешите к Нему”. В сей День Кармель в страстном поклонении поспешила к Его двору, а из сердца Сиона исторгся крик: “Обетование исполнено. То, что было возвещено в святом Писании Бога, Наивозвышенного, Всемогущего, Наивозлюбленного, явлено”». «Хиджаз освежен ветерком, несущим благую весть о радостном воссоединении. “Благодарение Тебе,—слышим Мы его голос,— о Господь мой Всевышний; Я был мертв в разлуке с Тобою; сей ветерок, напоенный благоуханием Твоего присутствия, возвратил меня к жизни. Счастлив тот, кто обратился к Тебе, и горе заблудшим”». «Во имя единого Бога истинного Илия поспешил к Моему двору и денно и нощно шествовал вокруг Моего трона славы». «Соломон во всем своем величии в сей день пребывает вокруг Меня и, в восхищении склонясь предо Мною, изрекает сии возвышеннейшие слова: “Я обратил лицо мое к Твоему лику, о Ты, Всемогущий Правитель мира! Я всецело отрешился ото всего, принадлежащего мне, и жажду Того, что в Твоей власти”». «Если б Мухаммад, Апостол Божий, узрел сей День,— писал Бахаулла в Скрижали, явленной накануне Его ссылки в город-тюрьму Акку,— Он воскликнул бы: “Воистину, Я узнал Тебя, о Желание всех Посланников Божиих”. И Авраам, узрев сие, пал бы ниц, в полном смирении пред Господом твоим Богом, и возгласил: “Умиротворилось сердце мое, о Господь всего сущего на небесах и на земле! Я свидетельствую, что Ты открыл пред очами моими всю славу силы Твоей и все величие закона Твоего”... И если бы Сам Моисей узрел сие, Он также возвысил бы Свой глас, говоря: “Всякая хвала Тебе да будет, ибо Ты озарил меня светом лика Твоего и причислил к тем, кто удостоился чести узреть лик Твой!”». «Север и Юг откликаются на зов, несущий весть о Нашем Откровении. Мы слышим глас Мекки, восклицаящий: “Всякая хвала Тебе да будет, о Господи мой Боже, Всеславный, ибо Ты донес до меня дыхание, напоенное ароматом Твоего присутствия!”. Иерусалим также взывает: “Славен и велик Ты, о Возлюбленный земли и небес, ибо смертную муку разлуки с Тобой превратил Ты в радость животворного воссоединения!”».

«Праведностью Бога клянусь! — возвещает Бахаулла, желая показать всю мощь Своей неодолимой силы,— если какой-либо человек, один, без поддержки, поднимется во имя Баха, облачившись в доспехи Его любви, Всемогущий приведет Его к победе, хотя бы все силы небесные и земные восстали против него». «Клянусь Богом, помимо Коего нет иного Бога! Если некто восстанет ради торжества Нашего Дела, Бог дарует ему победу, хотя бы десятки тысяч врагов выступили против него. А если его любовь ко Мне станет еще крепче, Бог дарует ему власть надо всеми силами небес и земли. Так вдохнули Мы дух силы во все края».

«Сие есть Царь Дней,— так превозносит Он век, ставший свидетелем Его Откровения,— День, узревший приход Наивозлюбленного, Того, Кто извечно был Желанием Мира». «Мир бытия озарен в сей День блеском сего Божественного Откровения. Все сотворенное славит его спасительную благодать и возносит хвалы ему. Вся вселенная охвачена восторгом и радостью. Писания прошлых Законоцарствий празднуют великое торжество, приветствуя сей величайший День Бога. Благо тому, кто дожил до сего Дня и распознал его значение». «Если б род человеческий подобающим образом внял лишь одному слову сей хвалы, он исполнился бы такого восторга, что, потрясенный, замер бы в изумлении. И тогда, замороженный, он воссиял бы на небосклоне истинного понимания».

«Судите справедливо, о народы мира,— обращается Он к человечеству.— Подобаает ли вам ставить под сомнение власть Того, по Кому томился в ожидании “Тот, Кто говорил с Богом” [Моисей], Чей прекрасный Лик жаждал узреть “Возлюбленный Бога” [Мухаммад], властью Чьей любви “Дух Божий” [Иисус] был вознесен на небеса, ради Кого “Исходная Точка” [Баб] отдал Свою жизнь?». «Не упустите дарованной вам возможности,— увещевает Он Своих последователей,— поскольку краткий миг сего Дня превосходит века прошедших эпох... Ни

солнце, ни луна еще не зрили подобного дня... Очевидно, что всякий век, когда приходило Божоявление, предопределен свыше, и, в некотором смысле, может быть назван назначенным Днем Божиим. Однако сей День не имеет себе равных и должен быть превознесен над предшествовавшими ему. Выражение "Печать Пророков" полностью раскрылось, явив свою высочайшую суть».

Говоря о силах, заключенных в Его Откровении, Бахаулла явил следующее: «Движением Своего Пера славы, по велению всеильного Устроителя, Мы вдохнули новую жизнь во всякий человеческий храм и придали всякому слову новую силу. Все творение возвещает о сем всемирном возрождении». «Вот,— добавляет Он,— самая великая, самая радостная весть, переданная человечеству пером сего Гонимого». «Сколь величественно сие Дело! — восклицает Он в другом месте.— Сколь потрясающа значимость сего послания! Вот День, о коем было сказано: "О сын мой! Воистину Бог выведет на свет всякую вещь, будь она величиной хоть с горчичное зернышко и сокрыта в скале, или в недрах земли, или в небесах, ибо Бог Вездесущ и Всеведающ"». «Праведностью единого Бога истинного клянусь! Если затерявшаяся песчинка от сокровища будет погребена под грудю камней и сокрыта за семью морями, Десница Всемогущего несомненно явит ее в сей день непотускневшей и очищенной от скверны». «Кто отведаст влаги Моего Откровения, тот вкусит всех чистых радостей, дарованных Богом от начала, которое не имеет начала, до конца, который не имеет конца». «Всякая буква, исходящая из уст Наших, наделена такой созидательной силой, что могла бы вызвать к жизни новое творение — творение, чье величие непостижимо ни для кого, кроме Бога. Ибо Он, воистину, ведает обо всем».

«В Нашей власти, если только Мы того пожелаем, сделать так, дабы из ничтожной пылинки родились в мгновение ока солнца беспредельной, невообразимой яркости, дабы капля росы превратилась в бездонные океаны, коим не будет числа, дабы всякая буква исполнилась такой силы, что смогла бы раскрыть все знание прошедших и грядущих веков». «Наша сила такова, что если она проявится, то сможет обратить смертельнейший яд во всеисцеляющее снадобье».

Описывая положение истинно верующего, Он замечает: «Клянусь печальми, омрачившими красоту Всеславного! Положение истинно верующих таково, что если б роду человеческому открылась слава его — пусть даже на величину меньше игольного ушка,— всякий, узревший ее, сгорел бы в пламени томления по ней. Посему заповедано, что в сей земной жизни от взора истинно верующего пребудет сокрытой полная мера славы его собственного положения». «Когда бы поднялась завеса,— добавляет Он,— и проявилось во всей славе своей положение тех, кто всецело предался Богу и отверг сей мир ради любви к Нему, весь мир творения замер бы в оцепенении».

Подчеркивая кульминационный характер Своего Откровения относительно предшествующих Законоцарствий, Бахаулла утверждает: «Если б все люди земли обладали качествами и способностями, что присущи были избранным ученикам Баба — Буквам Живого, чья слава в десятки тысяч раз превосходит славу апостолов былых времен, но, узрев свет Моего Откровения, хоть на миг усомнились бы в его истинности, то их вера была бы признана бесплодной, а сами они были бы причислены к неверным». «Так безмерно излияние Божественной благодати в сем Законоцарствии, что, найдись смертные персты, столь быстрые, дабы запечатлеть его, за один день и одну ночь родился бы поток стихов, равный по величине всему Персидскому Байану».

«Внемлите Моим предупреждениям, о жители Персии,— обращается Он к Своим соотечественникам.— Если паду Я от рук ваших, Бог несомненно возвысит того, кто займет место, опустевшее с Моей смертью, ведь таковы издревле пути Божии, и вы увидите, что неизменен промысел Божий». «Если они попытаются загасить свет Его на суше, Он, воистину, восстанет из глубин океанских и, возвысив Свой глас, изречет: "Я есть Жизнедатель мира!"... И если они заточат Его в подземной темнице, то увидят Его зывающим ко всему человечеству с высочайшей вершины мира: "Узрите, Желанный мира явился во славе Своего величия, Своего могущества, Своей запредельной власти!". И если они погребут Его в глубочайших недрах земли, дух Его, воспрянув к небесам, возвестит: "Узрите — вот грядет Слава; свидетельствуйте о царствии Бога Пресвятого, Благодатного, Всемогущего!"». А вот еще одно поразительное заявление: «В гортани сего Юноши застыли слова, кои — будь они явлены роду человеческому хотя бы на игольное ушко,— сокрушили бы всякую скалу; от них пожелтели бы листья деревьев и

осыпались бы их плоды; всякая глава склонилась бы в благоговении и всякий лик обратился бы в восторге к сему всемогущему Правителю, Кто приходит в разные времена и в разных обличьях: то как пожирающее пламя, то как вздымающийся океан, то как сияющий свет, то как древо, что пускает корни в землю святости, а ветви простирает до небес, за пределы престола бессмертной славы».

Описывая Систему, которая через непреодолимую мощь Его Закона должна утвердиться в грядущие времена, Он говорит: *«Равновесие мира нарушено сотрясающим действием сего величайшего, сего нового Мирового Порядка. Упорядоченная жизнь человечества совершенно преобразилась под влиянием сего невиданного, сего чудесного Устроения, подобного коему никогда еще не зрили очи смертных». «Десница Всемогущего воздвигла Его Откровение на прочном и неколебимом основании. Бури человеческих раздоров бессильны подорвать сию опору, а лживые учения человеков не могут сокрушить сие строение».*

В Суратул-Хайкал, одном из самых смелых трудов Бахауллы, содержатся следующие строки, каждая из которых свидетельствует о неодолимой силе Откровения, провозглашенного их Автором: *«Нет ничего в Моем храме, кроме Храма Божиего, и ничего в Моей красоте, кроме Его Красоты, и ничего в Моем бытии, кроме Его Бытия, и ничего в Моем существовании, кроме Его Существа, и ничего в движении Моем, кроме Его Движения, и ничего в соизволении Моем, кроме Его Соизволения, и ничего в пере Моем, кроме Его Пера, Могучего, Преславного. Нет в душе Моей ничего, кроме Истины, и нет во Мне ничего, кроме Бога». «Сам Дух Святой был порожден силою одной буквы, открытой сим Величайшим Духом, если вы из тех, кто понимает». «В сокровищнице Нашей Мудрости заключено знание, единого слова коего — яви Мы слово сие роду человеческому — было бы довольно, дабы всякий человек на земле распознал Явителя Бога и засвидетельствовал Его всевидение, и раскрыл таинства всех наук, и достиг той высоты, когда он стал бы независимым ото всей учености бывшего и грядущего. Другие знания также подвластны Нам, но ни единой буквы их Мы не можем открыть, ибо видим, что люди не способны воспринять даже малейший намек на их значение. Так донесли Мы до вас знание Бога, Всезнающего, Премудрого». «Близится день, когда Бог, согласно Воле Своей, создаст таких людей, чья природа непостижима ни для кого, кроме Бога, Всесильного, Самосуцного». «Скоро Он из Лона Силы явит Десницы Всевластия и Могущества — Десницы, кои принесут победу сему Юноше и очистят род человеческий от скверны нечестивцев и безбожников. Сии Десницы препояшут чресла, дабы защитить Веру Божию, и покорят именем Моим, самосуцным, властным, все народы и племена земные. Они войдут в города и наполнят страхом сердца обитателей их. Таково свидетельство могущества Бога; сколь страшна, сколь неистова Его мощь!».*

Таково, горячо возлюбленные друзья, письменное свидетельство природы Откровения Бахауллы. На заявления Баба, каждое из которых усиливает звучание этих поразительных слов и подтверждает их истинность, я уже ссылался. Остается только привести в этой связи отрывки из Писаний Абдул-Баха, полноправного Толкователя речений Бахауллы, чтобы пролить дополнительный свет на эту интереснейшую тему и раскрыть ее с новых сторон. Слог Абдул-Баха не менее выразителен, чем слог Бахауллы или Баба, и Его вклад не менее значителен, чем Их вклад.

«Столетия, нет, целые эпохи должны пройти, — подчеркивает Он в одной из Своих ранних Скрижалей, — прежде чем Дневное Светило Истины вновь воссияет в великолепии своего летнего солнцестояния или еще раз появится в блеске славы своего весеннего равноденствия... Какой благодарностью должны мы исполниться за то, что нам довелось в сей День стать восприимчивыми столь щедро изливающейся благодати! Будь у нас десять тысяч жизней, мы пожертвовали бы ими за столь редкую привилегию, столь высокую награду, столь бесценный дар!». «Даже простое размышление, — прибавляет Он, — о Законоцарствии, явленном Благословенной Красотой, могло бы ошеломить всех святых прошедших веков — святых, мечтавших хотя бы на мгновение причаститься сей великой славы». «Праведники минувших эпох и столетий, все и каждый, со слезами молили о величайшей милости — хотя бы миг прожить в День Божий. Их чаяния не осуществились, и они ушли в Великий Запредельный мир. Сколь же щедр, посему, дар Красоты Абха, Кто в сей озаренный священным светом век, по Своей благодати и милосердию, вдохнул дух жизни в нас, недостойных, собрал нас воедино под стягом Возлюбленного, дозволил нам обрести милость, которой напрасно ждали могущественнейшие

люди былых времен!». «В сей день души избранных среди горного сонма,—говорит Он,— святых обитателей высочайшего Рая, исполнены страстного желания вернуться в этот мир, дабы сослужить службу, которая им под силу, у порога Красоты Абха!».

«Великолепие сияющей милости Божией,— провозглашает Он, говоря о будущем росте и развитии Веры,— окружает народы и племена земли, и весь мир омыт лучами Его славы... Грядет день, когда свет Божественного единства озарит Восток и Запад, и никто из живущих не сможет далее не замечать его». «Ныне Десница Божественной силы закладывает в мире бытия основу для сего высочайшего дара и сей дивной благодати. Все, что подспудно присуще сему святому циклу, постепенно проявится и станет очевидным, а ныне — лишь начало его роста и восход проявления его знаков. Еще до окончания сего столетия и сей эпохи станет ясно, сколь дивной была сия вешняя пора и сколь божественным был сей дар!».

В подтверждение слов Бахауллы о высоком положении истинно верующих Он говорит следующее: «Положение, которого достигнет тот, кто искренне признал сие Откровение, будет равно положению тех пророков дома Израилева, которые не считаются Богоявлениями, наделенными “полнотой истины”».

О будущих Богоявлениях, Которые должны прийти после Бахауллы, Абдул-Баха делает следующее весьма определенное и веское заявление: «Относительно Богоявлений, которые в будущем “сойдут с небес под сенью облаков”, знайте наверно — в том, что касается источника Их вдохновения, все Они пребудут под сенью Предвечной Красоты. Однако в отношении эпохи Своего явления каждый из Них будет “вершить то, что Он пожелает”».

«О друг мой! — обращается Он в одной из Своих Скрижалей к человеку, известному своим высоким положением и авторитетом,— негасимый Огонь, зажженный Господом Царствия на Святом Древе, пылает в самом сердце мира. Вызванный им пожар охватит вскоре всю землю. Его яркое пламя озарит все народы и племена. Все знаки ныне открыты; все пророческие иносказания прояснились. Все, что было сокрыто в Писаниях прошлого, стало явным. Сомнениям и колебаниям более нет места... Время торопит. Небесный Повелитель в нетерпении и более не может ждать. Наш долг — устремиться вперед и, пока не поздно, одержать победу». И, наконец, самые волнующие строки, написанные Им в момент ликования, были обращены к одному из самых приближенных и выдающихся учеников Абдул-Баха в ранний период Его служения: «Что еще я должен сказать? О чем еще может поведать мое перо? Столь громок зов Царствия Абхб, что уши смертных почти оглушены его звуками! Кажется, все творение содрогается и разрывается под сокрушительным воздействием Божественного призыва, исходящего от престола славы. Более мне не о чем писать».

Горячо возлюбленные друзья! Достаточно уже было сказано, довольно приведено самых разных цитат из Писаний Баба, Бахауллы и Абдул-Баха для того, чтобы любой вдумчивый читатель понял, насколько высоко превознесен этот уникальный цикл в мировой истории религий. Совершенно невозможно переоценить его значение или преувеличить оказываемое им влияние, которое будет постоянно расти по мере того, как эта великая система станет утверждаться среди хаоса гибнущей цивилизации.

Однако, прежде чем перейти к дальнейшему изложению своих доводов, я считаю необходимым предостеречь каждого человека, читающего эти строки. Если кто-либо, изучив приведенные здесь отрывки, станет размышлять о природе Откровения Бахауллы, пусть не истолкует он превратно характер этого Откровения и не представит в искаженном свете намерения его Создателя. Святость, присущая столь великому Существо, и полное воплощение имен и качеств Бога в столь возвышенной Личности ни в коем случае не должны стать предметом ложных суждений или толкований. Если мы верны принципам нашей Веры, то должны понимать, что человеческий храм, призванный быть проводником столь могущественного Откровения, никогда нельзя смешивать с «вечной Сущностью Сущностей», с «сокровенным Духом Духов» — невидимым, но разумным Богом, Который, как бы ни превозносили мы святость Его Явлений на земле, никоим образом не может заключить Свою непознаваемую, Вечную и Всеобъемлющую Суть в рамки смертного существа. В самом деле, в соответствии с Учением Бахауллы, Бог, Который таким образом воплотил бы Свою суть, тотчас перестал бы быть Богом. Столь незрелое и фантастическое представление о Боге, согласно которому Он может обрести земное воплощение, так же далеко от сущности Учения Бахаи и в такой же степени противоречит ему, как и

совершенно неприемлемые для нас пантеистические и антропоморфные концепции Бога, которые Бахаулла решительно опровергает, доказывая их несостоятельность.

Тот, Кто в бесчисленных трудах утверждал, что Его речь суть *«Глас Божества, Призыв Самого Бога»*, в то же время в *Китаб-и-Иган* торжественно заявляет: *«Для всякого чуткого и просвещенного сердца очевидно, что Бог, непостижимая Сущность, Божественное Существо, превознесен бесконечно выше всякого человеческого свойства, такого, как телесное существование, восхождение и нисхождение, уход и возвращение... Он пребывает и всегда пребывал сокрытым в предвечности Сути Своей, и вовеки пребудет Он в Своем Естестве непроницаемым для человеческого взгляда... Он вознесен превыше всякого разделения и союза, всякой близости и отдаленности... “Был только Бог, и не было ничего, кроме Него” суть надежное подтверждение сей истины»*.

«С незапамятных времен,— свидетельствует Бахаулла, говоря о Боге,— был Он сокрыт завесой в неисповедимой святости Своей возвышенной Личности и во веки веков будет окутан непроницаемой тайной Его непостижимой Сущности... Десять тысяч Пророков, каждый как Моисей, на Синае своих устремлений оглушены Его грозным гласом: “Ты никогда не узришь Меня!”; несметное множество Посланников, каждый столь же велик, как Иисус, поднялись в замешательстве со своих небесных престолов, внимая запрету: “Сущности Моей ты никогда не постигнешь!”». *«Сколь тщетно сие, когда Я, ничтожный,— обращается Бахаулла к Богу,— пытаюсь измерить священные глубины Твоего знания! Сколь бесплодны усилия мои, когда хочу представить воочию ту мощь, что заложена в творении дланей Твоих — кое есть не что иное, как откровение Твоей созидательной силы!»*. *«Когда Я созерцаю, о мой Боже, узы, что связывают меня с Тобою,— говорит Он в другой собственноручно написанной Им молитве,— Я готов возвестить всему творению «Истинно, Я есть Бог»; но когда Я задумываюсь о личности Своей, о, Я вижу, что она грубее глины!»*.

«Поскольку врата постижения Того, Кто есть Ветхий днями,— говорит далее Бахаулла в Китаб-и-Иган,— закрыты пред лицом всякого существа, Источник бесконечной милости... повелел сим лучезарным Самоцветам Святости выступить из царства духа в благородном обличи человеческого храма и открыть Себя всем людям, дабы поведать миру о таинствах неизменного Существа и рассказать о тончайших проявлениях Его нетленной Сущности... Все Пророки Божии, Его приближенные, святые и избранные Посланники, без исключения, носят Его имена и воплощают Его качества... Сии Скинии Святости, сии изначальные Зеркала, отражающие свет неугасимой славы, суть не что иное, как выражения Того, Кто есть Незримый из Незримых».

То, что в Бахаулле, несмотря на всю мощь Его Откровения, следует видеть лишь одно из Божоявлений и что Его ни в коем случае нельзя отождествлять с этой незримой Сутью, Сущностью Самого Божества,— один из постулатов нашей Веры, который не должен искажаться и истинностью которого не должен поступаться ни один из ее последователей.

Кроме того, в Откровении Бахаи, в котором провозглашается, что оно — кульминация пророческого цикла и исполнение обетования всех времен, никоим образом не отрицаются те изначальные и вечные истины, которые составляют основу и суть предыдущих религий. Каждая из них была проявлением воли Бога — это не только признается в Учении Бахауллы, но и утверждается в нем как наиважнейшая и основополагающая истина. Согласно Его Учению, все религии рассматриваются не иначе, как последовательные этапы вечной и непрерывной эволюции единой религии, Божественной и неделимой, и Откровение Бахаи составляет одну из ступеней этого процесса. Бахаулла не оспаривает Божественного происхождения религий и нисколько не стремится умалить величие их грандиозных достижений. В Его Учении осуждаются попытки превратно толковать те истины, которые они проповедают, или исказить основные положения религий. Принципы нового Учения нисколько не отклоняются от истин, заключенных в Учениях прошлого, и мощь Его послания ни на йоту, ни на гран не умаляет силу их влияния и не ставит под сомнение искренность их преданных последователей. Бахаулла отнюдь не стремится подорвать духовные основы мировых религиозных систем, напротив, Он ставит перед Собой неизменную задачу — расширить их основание, вновь утвердить их главные принципы, согласовать их цели, вдохнуть в них новую силу, показать единство их сущности, восстановить первоначальную чистоту их доктрин, скоординировать их функции и помочь им в осуществлении их высшего предназначения. Эти боговдохновенные религии, как красноречиво выразился один

наблюдатель, «не обречены на смерть — им предопределено возродиться... Ибо “разве дитя не исчезает в юноше, а юноша в муже? Но при том ни дитя, ни юноша не умирают”»).

«...Светила истины и Зерцала света Божественного Единения,— объясняет Бахаулла в Kitab-и-Иган,— в каком бы веке и круге времени ни посылались Они в сей мир из своих незримых обителей предвечной славы, дабы просветить души человеческие и наполнить благодатью всякую сотворенную вещь, неизменно одаряются необоримой властью и наделяются непобедимым владычеством... Сии пречистые Зерцала, сии Утренние Рассветы предвечной славы являют собой, все и каждый, земное Выражение Того, Кто есть главное Светило вселенной, ее Суть и конечное Предназначение. От Него исходит Их знание и власть, от Него истекает Их владычество. Красота Их лика —не более чем отражение Его образа, а Их откровение —лишь знак Его бессмертной славы... Чрез Них изливается благодать, что не имеет предела, и чрез Них открывается Свет, что во веки веков не погаснет... Человеческим устам никогда не восхвалить Их достойно, и человеческой речи вовек не раскрыть Их таинство». «Поскольку все сии Птицы небесного Престола,— добавляет Он,— ниспосланы с небес Божией Воли и все Они призваны проповедовать несокрушимую Веру Его, то Их полагают единой душой и единой личностью... Обитают Они в одной скинии, парят в одних небесах, восседают на одном престоле, ведут одну речь и возглашают одну Веру. Разнятся Они лишь силой Их откровения и относительной мощью Их света... Если же некое Божественное качество не открылось явно чрез сии Сущности Отрешения, то это вовсе не означает, что Те, Кто суть Рассветы качеств Бога и Сокровищницы святых имен Его, на деле не обладали им».

Следует также иметь в виду, что, сколь бы грандиозна ни была мощь этого Откровения, сколь бы ни был велик масштаб Законоцарствия, провозглашенного его Творцом, в нем решительно отвергается притязание на то, что это последнее выражение Божией воли и конечная цель человечества. Подобное истолкование характера и предназначения Откровения равносильно отступлению от его принципов и отрицанию его истин. Это неизбежно вступает в противоречие с основополагающим постулатом, который служит краеугольным камнем Учения Бахаи — постулатом, согласно которому религиозная истина не абсолютна, а относительна, и Божественное Откровение подчиняется закону последовательного, непрерывного и прогрессивного развития, а отнюдь не представляет собой что-то случайное или конечное. В самом деле, последователи Веры Бахауллы, категорически отвергая притязания на обладание конечной истиной всех религиозных систем, основанных Пророками прошлого, в то же время ясно и недвусмысленно утверждают, что и данное Откровение не является последним и исчерпывающим. Утверждение о том, *«что Откровение полностью завершилось, что врата Божественного милосердия затворены, что из утренних зорь вечной святости не взойдет уже новое Солнце, что Океан бесконечного благоволения утих навеки и что из Скинии древней славы более не явятся Посланники Божии»*, должно рассматриваться всеми последователями Веры как серьезное, непростительное отступление от одной из ее основополагающих и драгоценнейших истин.

Приведенные выше высказывания Бахауллы и Абдул-Баха не оставляют и тени сомнения в истинности этого наиважнейшего положения. Разве следующие строки из Сокровенных Слов не указывают иносказательно на преемственность Божественного Откровения и на то, что Весть, принесенная на землю его Автором, не последнее и не окончательное выражение воли и наставлений

Всемогущего?

«О сын справедливости! Тот, в Ком явлена красота Бессмертного, возвратился ночью порой с изумрудной вершины верности к Садратул-Мунтаха и зарыдал таким рыданием, что небесные сонмы и обитатели горних царств восплакали, внимая стенаниям его. И тогда спросили: “В чем причина стенаний и плача?”. Он отвечивал: “Исполняя повеление, ждал Я на холме преданности, но не вдохнул от обитателей земли ни единого аромата верности. Затем, призванный возвратиться, Я взглянул и вот —несколько голубок святости бьются в лапах земных псов”. Тогда небесная Дева, с непокрытым лицом, ослепительная, поспешила из таинственного жилища Своего, дабы узнать их имена, и названы были все, кроме одного. Она настаивала, и была произнесена первая его буква, отчего жители небесных покоев бросились прочь из своего обиталища славы. Когда же огласили вторую букву, все они пали ниц во прах. В сей миг из святая святых послышался глас: “Сего довольно и не далее”. Воистину, Мы свидетельствуем о том, что содейали они и что делают ныне».

В одной из Своих Скрижалей, явленных Бахауллой в Адрианополе, Он уже недвусмысленно утверждает эту истину: *«Знайте наверное, что завеса, за коей сокрыт Наш лик, только приподнята. Мы открыли Себя в той степени, в какой сие могут воспринять люди Нашего века. Если бы Предвечная Красота явился в полноте Своей славы, очи смертных были бы ослеплены сверкающей мощью Его Откровения».*

В Суре Сабр, труде, явленном Бахауллой еще в 1863 году, в первый день Его пребывания в Саду Ризван, утверждается следующее: *«Бог посылал Своих Посланников, дабы продолжить дело Моисея и Иисуса, и будет делать сие вплоть “до конца, который не имеет конца”, дабы милость Его бесконечно изливалась на людей с небес Его Божественной щедрости».*

«Не о Себе тревожусь Я,— недвусмысленно заявляет далее Бахаулла,— а страшусь за Того, Кто будет послан к вам после Меня — Того, Кто будет облечен высшим могуществом и огромной властью». И в Суратул-Хайкал Он вновь повторяет: *«Слова, открытые Мною, свидетельствуют не обо Мне, но скорее о Том, Кто придет после Меня. Сему Свидетель Бог, Всезнающий».* *«Не поступайте с Ним так,— прибавляет Он,— как вы поступили со Мною».*

Эта же истина раскрывается более обстоятельно в отрывке из Писаний Баба. *«Ясно и очевидно,— пишет Он в Персидском Байане,— что цель всех прошлых Законоцарствий состояла в том, дабы проложить путь Мухаммаду, Апостолу Божиему. Все они, включая и Законоцарствие Мухаммада, должны были, в свою очередь, подготовить Откровение, провозглашенное Каимом. Цель сего Откровения — так же как и предшествовавших ему — в том, дабы возвестить приход в мир Того, Кого явит Бог. И сия Вера — Вера Того, Кого Явит Бог,— в свою очередь предвестит, вместе со всеми бывшими прежде Откровениями, Богоявление, грядущее вслед за ней. Также и последнее, вместе с прежними Откровениями, откроет дорогу новому. Солнце Истины будет восходить и заходить вечно — сие есть ход развития, что не имеет ни начала, ни конца».*

«Будь уверен,— говорит в этой связи Бахаулла,— что в каждом Законоцарствии свет Божественного Откровения ниспосылается людям соразмерно их духовным способностям. Возьми в пример солнце. Как слабы лучи его, когда появляется оно на небосклоне. Как постепенно нарастают его жар и исходящий от него свет по мере восхождения к зениту, давая тем самым возможность всему сотворенному привыкнуть к растущей силе его света. Как постепенно заходит оно, пока не скроется за горизонтом. Когда бы солнце внезапно явило всю заключенную в нем мощь, оно, несомненно, причинило бы вред всему сотворенному... Подобно сему, когда бы Солнце Истины на ранних стадиях своего явления внезапно воссияло в полную силу, дарованную ему промыслом Всемогущего, земля людского понимания опустошилась бы и погибла; ибо сердца человеческие не способны были бы ни воспринять силу сего Откровения, ни отразить лучи его света. Повергнутые в трепет и истерзанные, они перестали бы биться».

Из этих четких и убедительных утверждений становится очевидным следующее: наш долг — разъяснить для всякого искателя истины то, что от «начала, которое не имеет начала», все Пророки единого, непознаваемого Бога, включая и Самого Бахауллу, посылались в мир, чтобы являть человеческому роду все возрастающую меру Его истины, Его непостижимой воли, Его Божественного руководства — и каждый из Них был проводником Его милости, проявлением Его единства, отражением Его света и выразителем Его предначертаний; и Они, вплоть до «конца, который не имеет конца», будут нести миру все более полные и мощные Откровения Его безграничной силы и славы.

Нам следует глубоко прочувствовать сердцем своим слова молитвы, явленной Бахауллой,— еще одним поразительным свидетельством той великой основополагающей истины, в которой заключена самая суть Его Послания человеческому роду: *«Хвала Тебе, Господи, мой Боже, за дивные Откровения Твоего неисповедимого веления и за всякие горести и испытания, кои предназначил Ты мне. Когда-то Ты предал меня в руки Нимрода; другой раз Ты позволил, дабы жезл Фараона покарал меня. Тебе одному ведомо, чрез всеобъемлющее знание Твое и свершение Твоей Воли, сколь неисчислимы муки, кои я претерпел от них. И вновь Ты заточил меня в узилище нечестивых лишь за то, что я был подвигнут приоткрыть достойным обитателям Царствия Твоего тайну того видения, коим Ты чрез знание Твое удостоил меня, раскрыв мне значение его силой Своего могущества. И вновь Ты повелел, дабы голова моя пала, отсеченная мечом неверного. Снова был я распят на кресте за то, что явил взорам людей сокровенные самоцветы*

Твоего славного единства и открыл им дивные знамена Твоего владычества и непреходящей власти. Сколь горькими были унижения, кои обрушились на меня в следующем веке, на равнине Карбила! Сколь одиноко было мне среди народа Твоего! До какого состояния беззащитности был доведен я в той стране! Не удовольствовавшись сим, мои преследователи обезглавили меня и, высоко подняв главу мою, в разных странах выставляли ее напоказ пред толпами неверующих и возлагали ее на престолы своенравных и безбожных. Позже я был подвешен, и грудь моя стала мишенью для стрел злобной жестокости моих врагов. Конечности мои были изрешечены пулями, а тело изорвано в клочья. И, наконец, воззри, как в сей день мои коварные недруги объединились против меня и непрестанно помышляют о том, чтобы влить яд ненависти и злобы в души слуг Твоих. Не жалея сил строят они козни, дабы достичь своего... Пусть горестен мой удел, о Боже, мой Возлюбленный, я возношу Тебе хвалы, и дух мой благодарен за все, что выпало мне на стезе Твоего благоволения. Я безмерно счастлив тем, что Ты предназначил мне, и приветствую любые муки и скорби, кои мне суждено претерпеть, сколь бы тяжелыми они ни были».

БАБ

Горячо возлюбленные друзья! То, что Баб, Возглашатель Законоцарствия Баби, с полным правом может быть причислен к самостоятельным Божоявлениям, что Он наделен Верховной властью и силой, а также удостоен всех прав и привилегий независимого Пророчествования, служит еще одной основополагающей истиной, которая неизменно провозглашается в Послании Бахауллы и должна бескомпромиссно приниматься Его последователями. Баба не следует воспринимать единственно как вдохновенного Предтечу Откровения Бахаи; в Его личности, как Сам Он засвидетельствовал в Персидском Байане, воплотилось то, что было целью устремлений всех Пророков прошлого; и я считаю своим долгом еще раз подтвердить эту истину и подчеркнуть ее значимость. Мы погрешили бы против нашей Веры, нарушив один из ее основных и священных принципов, если бы какими-либо речами или поступками поставили под сомнение этот исходный принцип вероучения Бахаи или отказались бы безоговорочно признать и засвидетельствовать эту истину. На самом деле главной причиной, побудившей меня взяться за перевод и издание бессмертного *Повествования Набиля*, было желание дать каждому последователю Веры на Западе возможность лучше понять и живее представить всю невероятную значимость возвышенного положения Баба и еще более пылко восхищаться Им и любить Его.

Несомненно, что двойная миссия Баба, возложенная на Него Всемогущим,— миссия, бесстрашно возвещенная Им Самим, неоднократно подтвержденная Бахауллой и, наконец, непреложно засвидетельствованная Абдул-Баха в Его Воле и Завещании, составляет отличительную особенность Законоцарствия Бахаи. Это еще одно подтверждение уникальности миссии Баба, которая невероятно укрепляет мощь, мистическую силу и власть данного святого цикла. Действительно, величие Баба определяется прежде всего не тем, что Он был посланным свыше Предтечей несравненного Откровения, а тем, что Он Сам был наделен той силой, которая присуща основателю отдельного религиозного Законоцарствия, и что Он как независимый Пророк облечен большей властью, чем Посланники, приходившие до Него.

Недолгий срок, отпущенный Его Законоцарствию, ограниченность сферы действия Его законов и предписаний не должны приниматься в расчет при попытке оценить Божественное происхождение Его Послания и измерить его силу. *«То, что столь короткий промежуток времени отделяет сие мощное и удивительное Откровение от Моего собственного предыдущего Явления,— объясняет Сам Бахаулла,— есть та непостижимая тайна, куда человек не в состоянии проникнуть, загадка, кою смертный разум не в силах разгадать. Срок был предопределен свыше, и причина сего не откроется человеку, пока он не изучит Мою Сокровенную Книгу».* *«Узрите,— объясняет далее Бахаулла в Китаб-и-Бади, одном из трудов, где Он опровергает заблуждения людей Байана,— узрите, что не прошло и девяти лет со дня провозглашения сего дивного, святого и милосердного Законоцарствия, как таинственным образом появилось столько чистых, всецело преданных и святых души, сколько было необходимо».*

Удивительные случаи, возвестившие о приходе Основателя Законоцарствия Баби, драматические обстоятельства Его полной событий жизни, мистическая трагичность Его мученической кончины, магнетическое влияние, которое Он оказывал на Своих самых выдающихся и наделенных властью соотечественников (о чем свидетельствует каждая глава волнующего *Повествования Набиля*) — все это убедительно подтверждает справедливость Его притязаний на столь высокое положение в ряду Пророков.

Сколь бы ни были ярки описания, которые оставил потомкам достославный летописец Его жизни в своем блестящем повествовании, но и они меркнут перед силою пламенных слов Бахауллы, посвященных Бабу. Эти слова подкрепляются многочисленными высказываниями Самого Баба, не скрывавшего Своих высоких притязаний, а письменные свидетельства Абдул-Баха еще более усиливают их звучание и проясняют их смысл.

Где еще, как не в Китаб-и-Иган, могут те, кто изучает Законоцарствие Баба, найти подтверждения, которые бы столь точно передавали силу и дух, присущие из всех смертных лишь Божоявлениям? *«Ужели было бы возможно сие,— восклицает Бахаулла,— если бы не мощь небесного Откровения, не власть всепобеждающей Воли Божией? Праведностью Бога клянусь! Когда бы кто-нибудь носил столь великое Откровение в сердце своем, одна лишь мысль о подобном возвещении смутила бы его! Если бы даже сердца всех людей воплотились в его сердце, и тогда не отважился бы он на столь дерзкое предприятие».* *«Ни одно око — подчеркивает Он в*

другом месте,— не зрело донныне столь великого излияния щедрости и ничей слух не внимал подобному откровению нежной заботы. Явлены были такое откровение и такие дары, что ниспосланные стихи, казалось, изливались, словно вешние ливни, из облаков милости Всещедрого. Всякому из Пророков, “наделенных постоянством”, чьи величие и слава воссияли, как солнце, была пожалована своя Книга, кою видели все и стихи коей были должным образом удостоверены. Стихи же, излившиеся из сего Облака Божественной милости, столь изобильны, что никто еще не смог исчислить их... Так как же могут они умять сие Откровение? Знал ли какой-либо иной век столь величественные события?».

Говоря о характере героев и мучеников, которых дух Баба столь чудесно преобразил, и о силе их воздействия на окружающих, Бахаулла открывает нам следующее: «Если сии друзья не суть истинные подвижники Божии, то кого же тогда подобает так именовать? Разве сии друзья ищут власти или славы? Разве стремятся они к богатству? Лелеют ли они иное желание, кроме угождения Богу? Если друзья сии, со всеми их поразительными свидетельствами и удивительными деяниями, лживы, кто же тогда может притязать на истину?.. Знал ли мир со времен Адама такое потрясение, такую яростную смуту? Несмотря на перенесенные ими пытки и многие тяготы, они стали предметом всеобщего поношения и хулы. Кажется, само терпение явилось на свет лишь благодаря их стойкости и сама верность родилась лишь благодаря их деяниям».

Подчеркивая высочайшее положение Баба в ряду Пророков, Бахаулла утверждает в том же послании: «Ничье понимание не проникнет в природу Его Откровения, и никакое знание не в силах постичь Его Веру во всей полноте». Далее Он, в подкрепление Своих слов, приводит следующее пророчество: «Знание есть двадцать семь букв. Все явленное Пророками — две буквы из сего. Никто из людей до сих пор не знал более тех двух букв. Но когда восстанет Каим, Он явит оставшиеся двадцать пять букв». «Узри,— прибавляет Он,— сколь велико и возвышенно Его положение! Он стоит выше всякого из Пророков, и Его Откровение превосходит понимание и постижение всякого из Их избранных». «Откровение, о коем Пророки Божии, Его святые и избранные,— добавляет Он далее,— не ведали, или же, подчиняясь непостижимому Велению Божию, не считали нужным говорить».

Из всего, что было явлено непогрешимым пером Бахауллы в дань памяти Баба, Его Наивозлюбленного, самым запоминающимся и трогательным представляется следующий небольшой, но красноречивый отрывок, придающий особое звучание заключительным строкам всего послания: «Посреди всего этого Мы пребываем,— пишет Бахаулла, имея в виду тяжкие испытания и опасности, которым Он постоянно подвергался в Багдаде,— в полной готовности, всецело предавшись Его воле, дабы с Божиего благоволения и по милости Его сия открытая и явленная Буква [Бахауллы] мог пожертвовать жизнью Своей на пути Исходной Точки, высочайшего Слова [Баб]. Клянусь Тем, по Чьей воле заговорил Дух, когда бы не сие страстное желание души Нашей, Мы не остались бы в сем граде ни на миг».

Горячо возлюбленные друзья! Столь высокая хвала, столь смелое заявление, явленные пером Бахауллы в одной из Его важнейших работ, перекликаются со словами Того, Кто был Источником Откровения Баби,— словами, в которых Он выразил собственное предназначение: «Я — Таинственный Храм,— объявляет Баб в Каюм-ул-Асма о Своем положении,— что возвела Десница Всемогущего. Я — Лампада, зажженная в сей нише Перстом Божиим и излучающая неугасимый свет. Я — Пламя того небесного Огня, что горел над Синаем в благословенном Месте и что сокрыт в сердцевине Неопалимой Купины». «О Куррат-ул-Айн,—воскликает Он в том же комментарии, обращаясь к Себе Самому,— Я распознал в Тебе Того, Кто есть не что иное, как Великое Провозглашение — Провозглашение, возвещенное Горним Сонмом. Свидетельствую, что под сим именем Тебя всегда знали те, что окружают Престол Славы». «Со всяким из Пророков, посланным Нами в прошлом,— пишет Он далее,— Мы заключили особый Завет, касающийся “Поминания Бога” и Его Дня. Силою истины “Поминание Бога” и Его День явлены в обители славы, пред очами ангелов, окружающих престол Его милости». «Коль будет на то Наше желание,— добавляет Он,— в Нашей власти посредством одной лишь буквы Нашего Откровения заставить весь мир и все сущее в нем в мгновение ока признать истинность Нашего Дела».

«Я есть Исходная Точка,— обращается Баб из крепости-тюрьмы Маку к Мухаммад-шаху,— откуда вышло все сотворенное... Я есть Лик Бога, Чья слава никогда не померкнет, свет Бога,

Чье сияние никогда не угаснет... Все ключи от небес Бог по воле Своей вложил в Мою правую десницу, а все ключи от ада — в левую... Я один из столпов, на коих покоится Изначальное Слово Божие. Всякий, кто признал Меня, постиг, в чем истина и правда, и обрел все благое и достойное; а всякий, не признавший Меня, отвернулся от истины и правды и уступил всему злему и недостойному... Бог создал Меня не из глины, как других людей, а из иного вещества. Он даровал Мне то, чего мудрецам мира сего вовек не постичь и верным не познать». «Ныне, — говорит Баб, подчеркивая безграничную мощь Своего Законоцарствия, — если даже ничтожный муравей пожелает быть наделенным такой силою, что позволит ему постичь самые непонятные и темные места Корана, то желание его несомненно исполнится, поскольку тайна предвечной мощи трепещет в сокровенной сущности всего сотворенного». «Если столь беспомощное создание, — комментирует Абдул-Баха это поразительное заявление, — может быть наделено такой тонкой способностью, каков же будет результат свободного излияния милости Бахауллы, какие силы оно пробудит!».

Эти веские заявления, эти торжественные провозглашения Бахауллы и Баба подкрепляются неопровержимыми свидетельствами Абдул-Баха. Он, признанный Толкователь изречений Бахауллы и Баба, подтверждает, причем не намеками, а в прямых и категоричных высказываниях — как в Своих Скрижалях, так и в Завещании, — истину тех утверждений, которые здесь уже приводились.

В Скрижали к бахаи Мазендарана, разъясняя подлинный смысл приписываемого Ему и зачастую превратно толкуемого высказывания относительно восхода Солнца Истины в этом столетии, Абдул-Баха кратко и в то же время очень убедительно излагает истинное, не подлежащее пересмотру понимание того, как соотносятся между Собой два Богоявления, связанные с Законоцарствием Бахаи: *«Делая подобное заявление, — объясняет Он, — я не имел в виду никого, кроме Баба и Бахауллы, Чьим Откровениям я намеревался дать толкование. Откровение Баба подобно солнцу, причем место его связано с первым знаком зодиака — знаком Овна, которого солнце достигает в период весеннего равноденствия. Место же Откровения Бахауллы соответствует знаку Льва, другими словами, такому положению солнца, когда оно достигает зенита и входит в фазу летнего солнцестояния. Это означает, что сие Святое Законоцарствие озарено светом Солнца Истины, стоящего в зените, сияющего в полноте своего блеска, жара и славы».*

«Баб, Возвышенный, — более подробно объясняет Абдул-Баха в другой Скрижали, — это Утро Истины, Чей свет озарил своим великолепием все земли. Он также есть предвестие Ярчайшего Светоча, Сияния Абха. Благословенная Красота есть Тот, Кто обещан в священных книгах прошлого, Он есть явление Источника Света, Который сиял над Синаем, Чей огонь пылал в Неопалимой Купине. Мы, все и каждый, лишь слуги у Их порога, мы стоим, как смиренная стража, у Их дверей». «Любое доказательство и пророчество, — еще более настойчиво утверждает Он в другом месте, — любой способ свидетельства, основан ли он на логике или на священных текстах и предании, должны рассматриваться в соответствии с личностями Бахауллы и Баба. В Них следует искать исполнения всех пророчеств».

И, наконец, в Воле и Завещании, сокровищнице последних заветов и прощальных наставлений, на страницах, где изложены ведущие принципы вероучения Бахаи, Он окончательно засвидетельствовал Свое толкование двойственной и возвышенной природы Баба: *«Вот краеугольный камень веры людей Баха (пусть жизнь моя будет принесена в жертву за них): Его Святость, Возвышенный [Баб] — Явление единства и единственности Бога и Предтеча Предвечной Красоты [Бахауллы]. Его Святость, Красота Абха [Бахауллы] (пусть жизнь моя будет отдана за Его стойких друзей) есть высшее Явление Бога и Восход Его Наисвященной Сущности». «Все остальные, — прибавляет Он, — суть слуги Его и выполняют Его волю».*

АБДУЛ-БАХА

Горячо возлюбленные друзья! На предыдущих страницах этой книги я осмелился раскрыть ряд истин, которые, по моему глубокому убеждению, ясно прозвучали в высказываниях Того, Кто есть Источник Откровения Бахаи. Я постарался также рассеять те ложные представления о божественности в сознании каждого, кто размышляет о столь превосходящем человеческое разумение явлении Божией славы. Я попытался объяснить истинное значение божественности, которым непременно наделяется Тот, через Кого устремляется в мир столь таинственная сила. По мере своих возможностей я постарался показать, что в этом Послании, по воле Бога принесенном человечеству столь великим Существом, признаются Божественные истоки и подтверждаются основные истины всех Законоцарствий, возглашенных Пророками прошлого, и оно органично связано с каждым из них. Я счел своим долгом обосновать и подчеркнуть следующее: Основатель новой Веры, отвергая притязания глав различных религий на обладание конечной истиной, Сам не претендовал на это, несмотря на все величие Своего Откровения. Еще одной основополагающей истиной, правильное понимание которой особенно важно на нынешнем этапе развития нашего Дела, является то, что Баба, несмотря на краткий период действия Его Законоцарствия, необходимо воспринимать не только Избранным Предтечей Бахауллы, но прежде всего независимым Пророком, обладавшим, подобно всем великим Пророкам прошлого, священной властью, данной Ему от Бога.

А теперь я считаю необходимым прояснить вопрос о статусе Абдул-Баха и Его роли в этом святом Законоцарствии. Нам, слишком близко стоящим к этой выдающейся фигуре, испытавшим на себе магнетическое воздействие этой уникальной личности, трудно до конца понять характер и миссию Того, Кто сыграл особую роль не только в Законоцарствии Бахауллы, но и во всей истории мировой религии. Несмотря на коренные отличия в характере деятельности и занимаемом положении между Творцом Откровения Бахаи и Его Предтечей, Абдул-Баха, в силу особой миссии, отведенной Ему в Завете Бахауллы, стал, наряду с Бабом и Бахауллой, одной из трех Центральных Фигур Веры, не знающих себе равных в мировой духовной истории. Вместе с Ними Он возвышается над судьбами этой молодой Веры Божией и находится на таком уровне, которого ни один верующий и ни один институт, занимающийся делами Веры после Него, не сможет достичь еще по меньшей мере тысячу лет. Принизить возвышенное положение Абдул-Баха, отождествляя Его статус со статусом тех, кто всего лишь осенен Его властью, было бы проявлением глубочайшего непочтения — равно как и еретические попытки поставить Его наравне с Основателем Веры или с Его Предтечей. Ибо как ни огромна пропасть, отделяющая Абдул-Баха от Того, Кто есть Источник независимого Откровения, она несопоставима с куда большим расстоянием между Ним, Средоточием Завета, и продолжателями Его дела, кем бы они ни были и каковы бы ни были их обязанности, их положение и их заслуги. Пусть же те, кто знал Абдул-Баха, кто испытал на себе неотразимое обаяние Его личности и через всю жизнь пронес глубочайшее восхищение Им, оценят, с точки зрения этого утверждения, величие Того, Чье положение намного выше!

То, что Абдул-Баха не является Богоявлением, что Он, хотя и был преемником Своего Отца, не занимает равного с Ним положения, на которое никто, кроме Баба и Бахауллы, не может претендовать прежде, чем истечет полная тысяча лет, есть истина, запечатленная в конкретных высказываниях как Самого Основателя Веры, так и Толкователя Его Учения.

«Если кто-либо притязает на прямое Откровение от Бога до истечения полной тысячи лет,— недвусмысленно предостерегает Бахаулла в Китаб-и-Агдас,— тот, без сомнения, есть лжец и самозванец. Мы молим Бога, да поможет Он ему по милости Своей отказаться и отречься от подобного притязания. Если он раскается, Бог, конечно же, простит его. Но если он будет упорствовать в заблуждении своем, Бог, несомненно, пошлет того, кто безо всякой жалости обойдется с ним. Воистину, грозен Бог карающий! Тот, кто истолкует сей стих вопреки его явному смыслу, лишится Духа Божиего и милости Его, объемлющей все сотворенное». «Если же кто-то,— категорически заявляет Он,— явится прежде, чем истечет полная тысяча лет,— каждый год которой состоит из двенадцати месяцев согласно Корану и девятнадцати месяцев по девятнадцать дней согласно Байану,— отвергните его без промедления, хотя бы он предъявил вам все знаки Божии!».

Собственные заявления Абдул-Баха, служащие подтверждением этого предостережения, звучат не менее красноречиво и неопровержимо: *«В этом состоит,— подчеркивает Он,— мое*

твердое и непоколебимое убеждение, самая суть того, во что я открыто верю, и убеждение это в полной мере разделяют все обитатели Царства Абха: Благословенная Красота есть Солнце Истины, и свет Его есть свет истины. Баб также есть Солнце Истины, и свет Его есть свет истины... Мой же удел — служение, служение бескорыстное и истинное, смиренное, открытое и не нуждающееся ни в каких толкованиях... Я — Толкователь Слова Божиего, и таково мое толкование».

Не Сам ли Абдул-Баха в Завещании, разящий слог которого способен внести смятение в ряды самых закоснелых нарушителей Завета Его Отца, выбивает главное оружие из рук тех, кто так долго и настойчиво приписывал Ему тайное намерение поставить Себя не только вровень, но может быть и выше Бахауллы? В этом последнем документе, навеки сохранившим для нас волю и наставления покойного Учителя, в качестве наиважнейшей истины провозглашается следующее: *«Вот краеугольный камень веры людей Баха (пусть жизнь моя будет принесена в жертву за них): Его Святость, Возвышенный [Баб] — Явление единства и единственности Бога и Предтеча Предвечной Красоты [Бахауллы]. Его Святость, Красота Абха [Бахауллы] (пусть жизнь моя будет отдана за Его стойких друзей) есть высшее Явление Бога и Восход Его Наисвященной Сущности». «Все остальные,— прибавляет Он,— суть слуги Его и выполняют Его волю».*

Из этих ясных и четко сформулированных утверждений, опровергающих какие бы то ни было притязания Абдул-Баха на Пророческую миссию, мы ни в коем случае не должны делать вывод, будто Он — лишь один из служителей Благословенной Красоты, а Его функции, в лучшем случае, сводятся к авторитетному толкованию Учения Своего Отца. Я отнюдь так не считаю и не намерен внушать подобные мысли. Попытка представить Его в таком свете равноценна предательству, отказу от бесценного наследия, оставленного Бахауллой человечеству. Положение, определенное для Абдул-Баха верховным Пером, неизмеримо превосходит то, о чем Он Сам заявляет в Своих посланиях. Как в *Китаб-и-Агдас*, самом авторитетном и священном из всех трудов Бахауллы, так и в *Китаб-и-Ахд*, Книге Его Завета, и в *Суре-и-Гусн* (*Скрижали Ветви*), перо Бахауллы неоднократно упоминает о Нем — и строки эти обретают еще большую значимость в свете *Скрижалей*, непосредственно обращенных Отцом к Абдул-Баха, — наделяя Его такой властью и окружая таким ореолом, который нынешнее поколение не в состоянии оценить в полной мере.

Он был и во все времена пребудет прежде всего Средоточием и Опорой несравненного и всеобъемлющего Завета Бахауллы, Его совершеннейшим творением, незамутненным Зеркалом, отражающим Его свет, безупречным Воплощением Его Учения, непогрешимым Толкователем Его Слова, олицетворением всех идеалов бахаи, вместилищем всех добродетелей бахаи, Величайшей Ветвью от Древнего Корня, Побегом Закона Божиего, Существом, *«вкруг Коего вращаются все имена»*, Родником Единства Рода человеческого, Знаменем Величайшего Мира, Луной Срединного Неба этого святейшего Законоцарствия — все эти символические титулы и имена, по праву принадлежащие Ему, находят свое наивысшее, самое истинное и справедливое выражение в магическом имени «Абдул-Баха». Он, Кто безмерно выше всех этих определений, есть Тайна Божия — так назвал Его Сам Бахауллы, и хотя этот титул не дает нам оснований приписывать Ему положение Пророка, он свидетельствует о том, что в личности Абдул-Баха абсолютно гармонично соединились несовместимые качества человеческой природы и сверхчеловеческое знание и совершенство.

«Когда отхлынет океан Моего присутствия и закончится Книга Моего Откровения,— провозглашает Он в Китаб-и-Агдас,— обратитесь к Тому, Кого назначил Бог, Кто есть Ветвь от сего Древнего Корня».

И далее: *«Когда Таинственная Голубка воспарит из своего Святилища Хвалы и устремится к своей отдаленной цели, к своей сокровенной обители, обращайтесь со всем, чего вы не постигнете в Книге, к Тому, Кто есть Ветвь от сего могучего Ствола».*

Более того, в *Китаб-и-Ахд* Бахауллы торжественно и недвусмысленно заявляет: *«Агсанам, Афнанам и Семейству Моему, всем и каждому, надлежит обратить лик свой к Самой Могучей Ветви. Поразмыслите над тем, что явили Мы в Нашей Наисвятой Книге: “Когда отхлынет океан Моего присутствия и закончится Книга Моего Откровения, обратитесь к Тому, Кого назначил Бог, Кто есть Ветвь от сего Древнего Корня”.* Предмет же сего святого стиха есть не кто иной, как Наимогущественная Ветвь [Абдул-Баха]. Так Мы милостиво являем вам Нашу великую Волю, и Я, воистину, Милостивый, Всесильный».

В Суре Гусн (Скрижали Ветви) есть такие строки: *«Ныне ответвилась от Садратул-Мунтаха сия священная и славная Сущность, сия Ветвь Святости; благо тому, кто ищет Его убежища и пребывает под Его сенью. Воистину Побег Закона Божиего появился от сего Корня, что Бог прочно посадил в Землю Своей Воли, и Ветвь, коя произросла от Него, достигла такой высоты, что осеняет Собою все творение. Да будет восхвален Он за сие возвышенное, благословенное, могущественное, благороднейшее Творение Свое!.. Слово, в знак Нашей милости, изошло из Величайшей Скрижали — Слово, кое Бог украсил узором Своей Сущности и сделал владыкой над землей и всем сущим на ней, и знамением Его величия и власти надо всеми народами... Возблагодарите Бога, о народы земли, за Его явление в мире, ибо воистину Он есть величайшее Благоедеяние и совершеннейший Дар вам; и через Него всякая истлевшая кость вернется к жизни. Кто обратился к Нему, тот обратился к Богу, а кто отверг Его, тот отверг Мою Красоту, усомнился в Свидетельстве Моем и согрешил против Меня. Он есть Доверие Бога среди вас, Напоминание о вашем долге пред Ним, Его явление вам и знак Его пребывания среди избранных слуг Его... Мы ниспослали Его вам в виде храма человеческого. Благословен и свят Бог, Который творит, что пожелает, силою Своей непогрешимой и непреложной воли. Те, что лишили себя сени Ветви, будут блуждать в пустыне греха, души их сгорят в пламени мирских желаний, и будут они из тех, кто обречен на верную гибель».*

«О Ты, зеница ока Моего! — обращается Бахаулла в собственноручном послании к Абдул-Баха. — Моя слава, океан Моей нежной любви, солнце Моей щедрости, небеса Моего милосердия покоятся на Тебе. Мы молим Бога, дабы мир просветился чрез Твое знание и мудрость и дабы было даровано Тебе то, что возвеселит Твое сердце и утешит Твой взор». «Слава Божия осеняет Тебя, — пишет Он в другой Скрижали, — и всякого, кто служит Тебе и пребывает близ Тебя. Горе, великое горе тому, кто восстанет против Тебя и причинит Тебе вред. Благо тому, кто присягнул на верность Тебе; пламя и муки ада — Твоим врагам». «Мы сделали Тебя убежищем для всего рода человеческого, — утверждает Он в другой Скрижали, — щитом для всех сущих на небесах и на земле, твердыней для всякого, кто верует в Бога, Несравненного, Всеведущего. Да будет на то воля Бога, дабы чрез Тебя защитил Он их, и наделил их богатством, и поддержал их; дабы ниспослал Тебе то, что станет источником изобилия для всего сотворенного, океаном даров всему роду человеческому и зарей милосердия всем народам».

«Ты ведаешь, о Мой Боже, — говорит Бахаулла в молитве, посвященной Абдул-Баха, — что Я желаю для Него лишь того, на что будет воля Твоя, и что Я избрал Его единственно для той цели, кою Ты Ему определил. Даруй же Ему победу, послав в помощь Ему все силы небесные и земные... Молю Тебя жаром Моей любви к Тебе и Моим стремлением явить Дело Твое, — предназначь Ему и всем возлюбившим Его то, чем удостаиваешь Ты Своих Посланников и Доверенных Откровения Твоего. Ты, воистину, Всемогущий и Всевластный».

В письме, продиктованном Бахауллой и посланном Его личным секретарем мирзой ака Джаном Абдул-Баха, в то время находившемся в Бейруте, мы читаем следующее: *«Да будет хвала Тому, Кто почтил Землю Ба [Бейрут] присутствием Того, вокруг коего вращаются все имена. Каждая крупинка земли возгласила всему сотворенному, что из врат Города-тюрьмы появилось и на небосклоне его, следуя путем своим в иную землю, воссияло Светило красоты великой, Наимогущественная Ветвь Бога — Его древняя и непреложная Тайна. Посему сей Город-тюрьму охватила скорбь, тогда как другая земля возрадовалась... Благословенна, вдвойне благословенна земля, коей коснулись стопы Его, око, насладившееся созерцанием красоты лика Его, слух, удостоенный чести внимать зову Его, сердце, отведавшее сладости Его любви, грудь, вздохнувшая свободно через упоминание о Нем, перо, возгласившее хвалу Ему, свиток, запечатлевший свидетельство писаний Его».*

Абдул-Баха, подтверждая сказанное Бахауллой о возложенных на Него полномочиях, делает следующее заявление: *«Согласно ясному тексту Китаб-и-Агдас, Бахаулла назначил Толкователем Своих Слов Средоточие Завета — Завета столь твердого и могущественного, что с начала времен до нынешних дней ни в одном Законоцарствии не было подобного ему».*

Однако сколь бы ни было высоко положение Абдул-Баха, сколь бы ни были обильны хвалы, расточаемые Бахауллой Сыну в Его священных Книгах и Скрижалях, все эти превосходные отличия не следует считать основанием для того, чтобы приписывать Абдул-Баха статус, равный или подобный Положению Его Отца, Который был Самим Богоявлением. Вкладывать такой смысл в любое из приведенных выше высказываний — значит заведомо, по понятным причинам,

вступать в противоречие с не менее ясными и очевидными утверждениями и предостережениями Бахауллы и Абдул-Баха, на которые я ссылался ранее. Как я уже подчеркивал, преувеличение роли Абдул-Баха столь же недопустимо и вредно, сколь и ее недооценка. Причина этого одна — некоторые верующие, делая необоснованные выводы из слов Бахауллы и настаивая на их правильности, неосознанно укрепляют врагов и постоянно предоставляют им доказательства для их лживых обвинений и домыслов.

Поэтому я чувствую необходимость решительно и открыто заявить: ни в *Китаб-и-Агдас*, ни в *Книге Завета* Бахауллы, ни даже в *Скрижали Ветви*, а также ни в одной другой *Скрижали*, явленной Бахауллой или Абдул-Баха, нет таких слов, которые позволили бы сделать вывод о так называемом мистическом единстве Бахауллы и Абдул-Баха и уподобить последнего Его Отцу или какому-либо из Божоявлений прошлого. Эти ошибочные концепции в какой-то мере результат произвольного толкования отдельных фрагментов *Скрижали Ветви*, поскольку в ее английском переводе есть неточности, а также слова, имеющие двойной смысл или вовсе отсутствующие в оригинале. Несомненно, главным источником подобных заблуждений служит в целом неоправданное толкование начальных строф одной из *Скрижалей* Бахауллы, отрывки из которой помещены непосредственно перед вышеупомянутой *Скрижалю Ветви* в книге, озаглавленной «*Писания Бахаи*», хотя они и не являются ее составной частью. Каждый читающий упомянутые отрывки должен иметь в виду, что выражение «*Уста Предвечного*» относится к Богу; что «*Величайшее Имя*» — это явное указание на Бахауллу; что слово «*Завет*» означает не данный конкретный Завет, непосредственным Создателем которого был Бахаулла, а Средоточием — Абдул-Баха, а Завет всеобщий — Договор, который, согласно Учению Бахауллы, Бог заключает с человечеством всякий раз, когда дарует ему новое Законоцарствие. «*Уста, рекущие благу весть*», как сказано в этих строках, есть не что иное, как Глас Божий, возвещающий о Бахаулле, а не Бахаулла, возвещающий об Абдул-Баха.

Более того, утверждать, будто под словами «*Он есть Я*» подразумевается тождество положения Бахауллы и Абдул-Баха, а не мистическое единство Бога и Его Явлений, как это объяснено в *Китаб-и-Иган*, значит открыто посягать на основополагающий принцип о единстве сущности всех Божоявлений — принцип, важность которого Автор тех самых строк особо подчеркивает.

Это равносильно возвращению к тем иррациональным и суеверным представлениям, которые в первое столетие Христианской эры постепенно проникли в Учение Иисуса Христа и затем утвердились в общепризнанных догмах, что ослабило силу воздействия Христианской веры и затемнило ее предназначение.

«Я утверждаю,— говорит Абдул-Баха в Своем пояснении к Скрижали Ветви,— что истинное значение, подлинный смысл, сокровенная тайна этих строк, самих этих слов — мое служение у священного Порога Красоты Абха, мое полное самоуничижение, моя абсолютная ничтожность в сравнении с Ним. Вот мой сияющий венец, мое драгоценнейшее украшение. Этим я горжусь в царствии небесном и земном. Этим я славен среди избранных Божьих». «*Никто не вправе,— предостерегает Он нас в следующих строках,— давать этим словам какое-либо иное толкование».* «*Я тот,— утверждает Он в этой же связи,—кто, согласно ясному тексту Китаб-и-Агдас и Китаб-и-Ахд, назначен Толкователем Слова Божьего... Отступивший от моего толкования станет жертвой собственных измышлений».*

Более того, отождествление Основателя нашей Веры с Тем, Кто есть Средоточие Его Завета, ведет к неизбежному выводу, что положение Абдул-Баха выше положения Баба, явно противореча одной из основополагающих истин Откровения Бахаи, хотя эта истина еще не всеми признана. Это послужило бы оправданием тех обвинений против Абдул-Баха, которыми нарушители Завета, во все дни Его служения, пытались отравить умы верных последователей Бахауллы, чтобы сбить их с пути истинного понимания.

Было бы более правильно и в соответствии с провозглашенными Бабом и Бахауллой принципами, если бы мы, отбросив данное ложное представление о положении Абдул-Баха, осознали единство сущности Основателя нашей Веры и Его Предтечи — истины, бесспорно подтверждаемой текстом Суратул-Хайкал. «*Если б Исходная Точка [Баб] был отличной от Меня сущностью, как вы утверждаете,— прямо заявляет Бахаулла,— и достиг Моего присутствия, воистину, Он никогда не допустил бы Своего разлучения со Мною — нет, тогда Мы оба познали*

бы взаимную радость от общения друг с другом во Дни Мои». «Тот, Кто ныне возвещает Слово Божие,— вновь утверждает Бахаулла,— есть не кто иной, как Исходная Точка, Тот, Кто был явлен вновь». «Он есть,— говорит Он о Себе в Скрижали, обращенной к одной из Букв Живого,— Тот же, Кто явился в год шестидесятый [1260 год Хиджры]. Воистину, сие есть один из могучих знаков Его». «Кто,— вопрошает Он в Суре Дамм,— поднимется во имя торжества Изначальной Красоты [Баба], открывшейся в лике последовавшего за Ним Богоявления?». Говоря же об Откровении Баба, Он называет его «Мое предыдущее Явление».

Итак, Абдул-Баха не Богоявление; Его свет, Его вдохновение и сила исходят непосредственно из Источника Откровения Бахаи; в Нем, как в ясном и совершенном Зеркале, отражается лучезарная слава Бахауллы; Абдул-Баха не является воплощением той необъяснимой и в то же время всеобъемлющей сущности, которая отличает только Пророков; Его слова уступают по весомости Слову Бахауллы, хотя имеют такую же значимость; Его нельзя провозглашать как возвращение Иисуса Христа — Сына, который придет «во славу Отца»,— все эти истины находят дополнительное подтверждение и еще раз подчеркиваются в следующем высказывании Абдул-Баха, обращенном к верующим Америки, которым я хотел бы завершить эту часть моей книги: *«Вы пишете, что между верующими есть разногласия относительно “Второго Пришествия Христа”. Милостивый Боже! Вновь и вновь встает этот вопрос, а ответ на него содержится в ясном и неопровержимом свидетельстве, сошедшем с пера Абдул-Баха: то, что подразумевается в пророчествах под “Господом Сил” и “Обетованным Христом”, есть Благословенное Совершенство [Бахауллы] и Его Святость Возвышенный [Баб]. Мое имя — Абдул-Баха. Мое предназначение — Абдул-Баха. Моя суть — Абдул-Баха. Похвала мне — Абдул-Баха. Быть рабом Благословенного Совершенства — мой славный и сияющий венец, а служение всему роду человеческому — моя вечная религия... У меня нет и никогда не будет ни имени, ни титула, ни поминания, ни похвалы, кроме как Абдул-Баха. Это — мое страстное желание. Это — мое величайшее устремление. В этом — моя вечная жизнь. В этом — моя непреходящая слава».*

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОРЯДОК

Дорогие собратья, объединенные любовью к Абдул-Баха! С вознесением Бахауллы Дневное Светило Божественного водительства, которое, как предсказывали шейх Ахмад и сиййид Казим, вошло в Ширазе и на своем пути на Запад достигло зенита в Адрианополе, раз и навсегда скрылось за горизонтом Акки, чтобы уже не появиться до истечения полной тысячи лет. Закат столь яркого Светила ознаменовал завершение периода Божественного Откровения — первого и самого обновляющего этапа эры Бахаи. Этот почти полувековой период, начавшийся с провозглашения Баба, достигший своего зенита при Бахаулле, предсказанный и восхваленный всем сонмом Пророков этого великого пророческого цикла, был, за исключением короткого промежутка времени между мученичеством Баба и потрясающим событием, произошедшим с Бахауллой в тегеранской тюрьме Сийах-Чаль, периодом непрерывного и прогрессивного Божественного Откровения, который по продолжительности и плодотворности не имеет себе равных во всей мировой духовной истории.

Уход Абдул-Баха, с другой стороны, знаменует закат Героического и Апостольского Века этого Законоцарствия — первоначального периода Веры, с великолепием которого никогда не сравнится, а тем более не сможет затмить его, сияние грядущих побед, уготованных Откровению Бахауллы. Ибо ни достижения первостроителей современных институтов Веры Бахауллы, ни громкий триумф героев Золотого века в будущем нельзя не то что соизмерить, но даже поставить в один ряд с удивительными деяниями тех, кто вдохнул в нашу Веру жизнь и заложил ее чистейшие основы. Первый, созидательный век эры Бахаи по самой своей природе отличен от периода становления, в который мы вступили, и от Золотого века, который последует за ним.

Можно сказать, что Абдул-Баха, Кто олицетворяет институт Веры, не имеющий аналогов ни в одной из признанных религиозных систем мира, закрыл тот Век, к которому Сам принадлежал, и открыл новый, в котором мы ныне трудимся. Его Воля и Завещание должны рассматриваться как вечное и прочное звено, задуманное и созданное Тем, Кто Есть Тайна Божия, дабы не прервалась связь трех эпох, из которых состоит Законоцарствие Бахаи. Таким образом, период медленного прорастания зерна Веры органично соединен с периодом появления первых всходов, а также с последующей эпохой, когда, наконец, созреют прекрасные плоды.

Созидательные силы, высвобожденные Законом Бахауллы, воспринятые и раскрытые разумом Абдул-Баха, породили — благодаря их влиянию и тесному взаимодействию — Инструмент, который можно назвать Хартией Нового Мирового Порядка, являющего собой славу и обетование этого величайшего Законоцарствия. Таким образом, Воля эта должна быть провозглашена детищем мистического союза между Тем, Кто передал направляющее воздействие Своего Божественного Промысла, и Тем, Кто был ее избранным восприемником и проводником. Волю и Завещание Абдул-Баха — Дитя Завета, Наследие как Основателя, так и Толкователя Закона Божиего, — невозможно отделить ни от Того, Кто дал первый побудительный импульс, ни от Того, Кто в конечном счете воспринял его. Мы должны постоянно помнить: непостижимый замысел Бахауллы так органично проявлялся во всех действиях Абдул-Баха и Их устремления были так тесно связаны, что любая попытка отделить Учение Основателя Веры от системы, которую утвердил Тот, Кто был идеальным Образцом этого Учения, должна рассматриваться как посягательство на одну из самых священных и основополагающих истин Веры.

Административный Порядок, который стал развиваться после вознесения Абдул-Баха и на наших глазах утверждается не менее чем в сорока странах мира, может рассматриваться как воплощение в жизнь Его Воли, как нерушимая цитадель, в которой пестуется и возрастает это новорожденное дитя. Когда Административный Порядок широко распространится и утвердится, тогда, без сомнения, с очевидностью проявится все ценное, что заключает в себе этот важнейший Документ — это ярчайшее выражение Воли Одного из Столпов Законоцарствия Бахауллы, и полностью прояснится его глубочайший смысл. Когда все составные части этого Порядка, все предусмотренные в нем институты начнут действовать в полную силу, он докажет жизненность своих принципов и продемонстрирует свою способность быть не просто ядром, а истинной моделью Нового Мирового Порядка, который, когда придет назначенный срок, неизбежно охватит собой все человечество.

В связи с этим следует отметить, что Административный Порядок Бахаи коренным образом отличается от любых установлений Пророков прошлого, поскольку Бахаулла Сам сформулировал

его принципы, учредил его институты, назначил человека, призванного толковать Его Слово, и наделил соответствующей властью орган, предназначенный для того, чтобы развивать и претворять в жизнь Его законоположения. В этом заключается важнейшая особенность данной религии, залог ее силы, ее спасение от раскола и распада. Ни в одном из Священных Писаний великих мировых религий, даже в трудах Основателя Законоцарствия Баби, мы не найдем указаний относительно установления завета или построения административного порядка, которые по своей значимости и охвату можно сравнить с теми, что составляют саму основу Законоцарствия Бахаи. Есть ли, например, в Христианстве или Исламе — двух самых распространенных и влиятельных религиозных систем из всех признанных вероучений мира — что-либо сопоставимое с Книгой Завета Бахауллы или Волей и Завещанием Абдул-Баха? Есть ли в текстах Евангелия и Корана упоминания о той мере власти, которой наделяются духовные вожди и институты этих религий, присвоившие себе право толковать Священное Писание и управлять делами своих общин? Мог ли Петр, признанный главным среди апостолов, или Имам Али, двоюродный брат и законный преемник Пророка, привести в подтверждение своего главенства точные, письменно засвидетельствованные слова Христа и Мухаммада, что заставили бы замолчать тех людей — из числа их современников или живших в последующие века, — кто, оспаривая их авторитет, привел к расколу, последствия которого ощутимы по сей день? Есть ли, можем мы с полным правом спросить, в дошедших до нас изречениях Христа что-либо подобное тем детальным предписаниям, законоположениям и предупреждениям, которые многократно встречаются в подлинных высказываниях Бахауллы и Абдул-Баха — идет ли речь о преемственности или об установлении конкретных законов и четких административных подходов, отличных от чисто духовных принципов? Может ли хоть один стих Корана — Священной Книги, которая в отношении законодательных, административных и ритуальных установлений являет собой заметный шаг вперед по сравнению с предыдущими и подвергшимися более серьезным искажениям Откровениями, — быть истолкован как неопровержимое доказательство той непрерываемой власти, которой Мухаммад, судя по Его немногим дошедшим до нас высказываниям, наделил Своего преемника? Можно ли утверждать, что Возглашатель Законоцарствия Баби — хотя и сумевший посредством Персидского Байана предотвратить долговременный и страшный по своим последствиям раскол, подобный поразившему Христианство и Ислам, — обеспечил столь же четкий и безотказный механизм защиты Своей Веры, как тот, который на все времена сохранит единство среди организованных последователей Веры Бахауллы?

Благодаря ясным указаниям и многочисленным предупреждениям, а также предусмотренным механизмам защиты Веры, подробно изложенным в Учении и составляющим его неотъемлемую часть, эта религия, единственная из всех Откровений, смогла создать особую структуру, — пусть растерянные последователи оказавшихся несостоятельными, распавшихся на секты верований хорошо изучат и беспристрастно оценят ее и, пока не поздно, устремятся под ее спасительную сень, укрывающую весь мир.

Неудивительно, что Тот, Кто торжественно объявил нам через Свое Волеизъявление об этом уникальном всеобъемлющем Порядке, Тот, Кто является Средоточием этого могущественного Завета, написал такие слова: *«Столь тверд и непоколебим сей Завет, что с начала времен и до нынешнего дня ни одно религиозное Законоцарствие не создавало ничего подобного».* *«Что бы ни таилось в сокровенных глубинах сего святого цикла, — писал Он в самые мрачные и опасные дни Своего служения, — все постепенно будет явлено и станет зримым, ибо нынешний день — лишь начало его роста и восход его знамений».* *«Не страшитесь, — таковы Его ободряющие слова, в которых предрекается подъем Административного Порядка, установленного в Его Воле, — не страшитесь того, что Ветвь будет отсечена от сего бrenного мира и опадет ее листва; о нет, листва ее станет гуще, ибо Ветвь будет расти и после того, как уйдет из мира праха; она поднимется к высочайшим вершинам славы и принесет плоды, которые напоят мир своим благоуханием».*

О чем еще, как не о величии и силе этого Административного Порядка, являющегося зародышем будущего всеобъемлющего Сообщества Бахаи, свидетельствуют следующие слова Бахауллы: *«Равновесие мира нарушено сотрясающим действием сего величайшего, сего нового Мирового Порядка. Упорядоченная жизнь человечества совершенно преобразилась под влиянием сего невиданного, сего чудесного Устроения, подобного коему никогда еще не зрили очи смертных».*

Сам Баб в Своих обращениях к Тому, Кого Явит Бог, предвосхищает эту Систему и прославляет Мировой Порядок, который установится в мире через Откровение Бахауллы. *«Благо тому,— многозначительно утверждает Он в третьей части Персидского Байана,— кто устремляет взор к Порядку Бахауллы и воздает благодарение Господу своему! Ибо несомненно Он будет явлен. Бог predetermined сие в Байане Своей непреложной заповедью!»*.

В Скрижалях Бахауллы, где конкретно определяются и официально учреждаются институты Международного и Местных Домов Справедливости и утверждаются их полномочия; в институте Десниц Дела Божиего, который создавался вначале Бахауллой, а затем Абдул-Баха; в институте Местных и Национальных Духовных Собраний, которые в своей зачаточной форме функционировали еще до вознесения Абдул-Баха; в той власти, которую Основатель Веры и Средоточие Его Завета в Своих Скрижалях сочли необходимым передать им; в институте Местного Фонда, что действовал согласно особым предписаниям Абдул-Баха, адресованным некоторым Собраниям Персии; в стихах Китаб-и-Агдас, в которых ясно predetermined институт Хранительства; в объяснении принципа наследования власти и права первородства, восходящего к Пророкам прошлого, которое дает Абдул-Баха в одной из Своих Скрижалей, особо подчеркивая его значимость,— во всем этом мы различаем слабое мерцание и находим первые упоминания о сути того Административного Порядка, который позднее был провозглашен и официально введен в действие Волей Абдул-Баха.

В настоящее время я считаю необходимым сделать попытку разъяснить характер и функции двух столпов, которые поддерживают эту мощную Административную Систему,—институтов Хранительства и Всемирного Дома Справедливости. Исчерпывающее описание всех звеньев системы, взаимодействующих с этими институтами, выходит за рамки и цель данной работы, в которой освещаются лишь основные истины Веры. Подробный и тщательный разбор особенностей, присущих этим двум институтам, которые предусмотрены в Воле Абдул-Баха; обстоятельный анализ природы отношений, с одной стороны, объединяющих эти структуры между собой, а с другой, связывающих каждую из них с Основателем Веры и Средоточием Его Завета,— все это станет задачей будущих поколений, которые, вне сомнения, достойно ее выполнят. Я же хотел бы сосредоточиться здесь на некоторых характерных чертах данной системы, которые, несмотря на нашу близость к этой колоссальной структуре, уже видны настолько явно, что мы не вправе пренебрегать ими или неверно толковать их суть.

Прежде всего необходимо прямо и безоговорочно признать эти братские институты Административного Порядка Бахауллы как божественные по своей природе, жизненно важные по выполняемым ими функциям и взаимодополняющие по своим целям и предназначению. Их общая основная задача — обеспечивать непрерывную преемственность божественно установленной власти, исходящей из Истока нашей Веры, сохранять единство ее последователей и поддерживать целостность и гибкость ее Учения. Работая сообща, эти два неразделимых института ведут дела Веры, координируют ее деятельность, продвигают интересы Веры, проводят в жизнь законы и опекают подчиненные им институты. Каждый из них в отдельности действует в пределах строго определенной сферы юрисдикции; каждый имеет вспомогательные институты — инструменты, обеспечивающие эффективное выполнение соответствующих конкретных функций и задач. Каждый из институтов, в положенных ему пределах, реализует свои возможности и осуществляет свои полномочия, права и прерогативы. Деятельность одного из этих двух институтов ни в малейшей степени не противоречит деятельности другого и не умаляет положения, занимаемого другим. Далекое от того, чтобы быть несовместимыми или взаимоисключающими, они, напротив, гармонично дополняют друг друга в отношении своих полномочий и функций, являя неизменное и подлинное единство своих целей.

Без института Хранительства Мировой Порядок Бахауллы оказался бы ущербным, ибо тогда не был бы соблюден принцип наследования власти, который, по словам Абдул-Баха, во все времена утверждался в Законе Божием. *«Во всех Священных Законоцарствиях,— говорит Он в Скрижали, обращенной к верующим Персии,— старший сын наделен особыми преимуществами. Даже пророческий сан дан ему по праву первородства»*. Без подобного института единство Веры было бы поставлено под угрозу, а целостность ее основы была бы грубо нарушена. Пострадал бы ее престиж; не было бы средства, позволяющего видеть ее в исторической перспективе как непрерывную связь поколений; был бы полностью утрачен источник руководства, необходимый

для того, чтобы четко определить сферу законодательной деятельности ее выборных представителей.

Без другой, не менее важной структуры — Всемирного Дома Справедливости, эта Система, завещанная нам в Воле Абдул-Баха, оказалась бы парализованной, будучи не в состоянии заполнить те пробелы, которые намеренно оставил Автор Китаб-и-Агдас в своде Своих административных и законодательных предписаний.

«Он есть Толкователь Слова Божиего»,— утверждает Абдул-Баха, говоря о функциях Хранителя Веры; в Своей Воле Он прибегает к тому же определению, которое использовал при опровержении доводов нарушителей Завета, ставившими под сомнение Его право толковать речения Бахауллы. «А преемником его,— добавляет Он,— станет первенец из его потомков по прямой линии». «Могучая твердыня,— поясняет Он далее,— будет оставаться неприступной и невредимой при условии подчинения тому, кто есть Хранитель Дела Божиего». «Всем членам Дома Справедливости, Агсанам, Афнанам, Десницам Дела Божиего надлежит проявлять покорность, повинование и подчинение Хранителю Дела Божиего...»

«Доверенным Дома Справедливости надлежит,— в свою очередь заявляет Бахаулла в Восьмом Листе Возвышенного Рая,— держать совет в отношении того, что не было до конца явлено в Книге, и проводить в жизнь принятые решения. Бог воистину вдохновит их на то, что Ему угодно, и Он, поистине, есть Одеждающий, Всезнающий». «Всем,— подчеркивает Абдул-Баха в Воле и Завещании,— необходимо обращаться к Насвятой Книге [Китаб-и-Агдас], а в отношении всего того, что не записано в ней явно, следует направлять запросы во Всемирный Дом Справедливости. Постановление, вынесенное этим органом единогласно или большинством голосов, есть несомненная истина и воля Самого Бога. Отклоняющийся же от сего — из тех, кто склонен к разладу, кто явил злонамеренность и отвернулся от Господа завета».

В Своей Воле Абдул-Баха не только подтверждает приведенное выше заявление Бахауллы,— Он наделяет этот орган дополнительными правами и полномочиями: в соответствии с требованиями времени пересматривать свои постановления, а также постановления предыдущего состава Дома Справедливости. *«И поскольку Дом Справедливости,— ясно указывает Он в Своей Воле,— полномочен проводить в жизнь законы, которые не записаны в Книге в явном виде, а также заниматься текущими делами, он обладает еще и полномочиями отменять свои постановления... Он наделен этим правом потому, что подобные законы не являются частью ясного божественного текста».*

К Хранителю и Всемирному Дому Справедливости относится следующее важное высказывание: *«Сия священная младая Ветвь, Хранитель Дела Божиего, а также Всемирный Дом Справедливости, который должен быть создан путем выборов во всем мире, находятся под покровительством и защитой Красоты Абха, под попечением и непогрешимым руководством Его Высочайшей Святости [Баб] (да будет жизнь моя принесена в жертву за Них обоих). Что бы ни решили они — то от Бога».*

Из этих слов с очевидностью явствует, что Хранитель Веры был назначен Толкователем Слова, а Всемирный Дом Справедливости наделен правом осуществлять законодательные функции в отношении тех вопросов, которые четко не оговорены в Учении. Толкования Хранителя, имеющего собственную сферу полномочий, столь же авторитетны и непреложны для всех верующих, как и постановления Всемирного Дома Справедливости, чье исключительное право и прерогатива — обсуждать и выносить окончательное суждение по тем законам и предписаниям, которые прямо не оговорены Бахауллой. Ни один из этих органов не вправе когда-либо вмешиваться в священную и четко определенную сферу юрисдикции другого. Ни один из них не станет посягать на те особые и неоспоримые полномочия другого, которыми каждый из институтов наделен свыше.

Хранитель Веры, хотя и является неизменным главой столь священного органа, ни в коем случае, даже на время, не может принимать на себя исключительное право устанавливать законы. Он не может отвергнуть решение, принятое большинством членов этого института, но в то же время обязан настоять на пересмотре того или иного установления, если оно, по его глубокому убеждению, противоречит смыслу и духу речений, явленных Бахауллой. Хранитель толкует то, что было открыто, и не вправе издавать законы иначе, как в качестве члена Всемирного Дома Справедливости. Он не может самостоятельно издавать указы, регулирующие коллективную

деятельность его собратьев, или оказывать давление, посягая на свободу тех, чье священное право — выбирать членов Всемирного Дома Справедливости, которые будут сотрудничать с ним в рамках этого органа.

Необходимо помнить о том, что создание института Хранительства было предсказано Абдул-Баха задолго до Его вознесения — Он косвенно упоминает об этом в послании к трем персидским друзьям. На их вопрос о том, появится ли какой-либо человек, к которому они могли бы обратиться после Его ухода, Он отвечал так: *«Что же до вопроса, который вы мне задали, знайте воистину, что сие есть глубочайшая тайна. Ныне она сокрыта, как жемчужина в раковине. То, что она будет явлена,— предопределено. Придет час, когда свет ее воссияет, когда ее свидетельства станут очевидными и спадет с нее завеса»*.

Горячо возлюбленные друзья! При всем высочайшем статусе института Хранительства, всей важности его функций в рамках Административного Порядка Бахаи и всем невероятном бремени лежащей на нем ответственности — его значимость ни в коем случае не должна преувеличиваться, каким бы языком о нем ни говорилось в Воле. Хранитель Веры, независимо от каких-либо обстоятельств и каких бы то ни было его достоинств и заслуг, не может быть возвышен до ранга, который бы поставил его на одну ступень с Абдул-Баха в соответствии с занимаемым Им положением Средоточия Завета,— и уж тем более Хранитель не вправе претендовать на исключительный статус, предписанный Богоявлению. Подобное заявление, в корне противоречащее самим основам нашей Веры, было бы явным святотатством. Как я уже подчеркивал в своих комментариях относительно положения Абдул-Баха, какая бы пропасть ни отделяла Его от Творца этого Божественного Откровения, она не сравнима с расстоянием, что пролегает между Тем, Кто есть Средоточие Завета Бахауллы, и Хранителями, которым отводится роль его избранных служителей. Много, много дальше отстоит Хранитель от Средоточия Завета, чем последний от ее Основателя.

Ни один Хранитель Веры — я считаю своим священным долгом засвидетельствовать здесь об этом — не может притязать на то, чтобы считаться совершенным воплощением Учения Бахауллы или безупречным зеркалом, отражающим Его свет. Несмотря на то, что он находится под неизменным и непогрешимым покровительством Бахауллы и Баба, и ему, как и Абдул-Баха, дано право и вменено в обязанность толковать Учение Бахаи, он остается по своей природе прежде всего человеком и не может, если он желает сохранять верность своему долгу, присваивать себе какие-либо права, привилегии и прерогативы, единственным обладателем которых, согласно воле Бахауллы, является Его Сын. В свете этой истины становится очевидным, что обращать молитвы к Хранителю, называть его господином или учителем, давать ему титул «его святейшество», искать его благословения, праздновать день его рождения или отмечать какие-либо события, связанные с его жизнью,— равносильно отступничеству от бесспорных истин нашей возлюбленной Веры. То, что Хранитель наделен некоей мерой власти, необходимой для раскрытия смысла и неясного значения речений Бахауллы и Абдул-Баха, отнюдь не ставит его в равное положение с Теми, Чьи слова он призван толковать. Хранитель способен реализовать данное ему право и выполнить возложенные на него обязанности, занимая при этом неизмеримо низшее положение по сравнению с Их рангом и отличаясь от Них по своей природе.

Слова и дела Хранителей, нынешнего и будущих, должны полностью подтверждать незыблемость этого кардинального принципа нашей Веры. Им надлежит своим поведением и примером упрочить истинность этого принципа, подвести под него твердую основу и передать будущим поколениям безупречные свидетельства его сущности.

Если бы я сам хоть на мгновение поколебался, прежде чем признал эту наиважнейшую истину, или проявил нерешительность, прежде чем провозгласил ее с твердой убежденностью,— это было бы с моей стороны проявлением постыдного вероломства по отношению к Абдул-Баха и непростительной попыткой незаконно присвоить себе полномочия, которыми только Он один был облечен.

Теперь необходимо кратко рассмотреть теоретические положения, на которых основан этот Административный Порядок, и принципы, которыми должны руководствоваться в своей деятельности его главные институты. Было бы глубоким заблуждением проводить параллели между этим уникальным, богоданным Порядком, и какими бы то ни было системами, созданными в разные исторические периоды человеческим разумом для управления общественными

институтами. Такие попытки сами по себе свидетельствовали бы о недостаточном понимании исключительности этого творения великого Автора. И как может быть иначе, если вспомнить, что Порядок этот и есть основание Божественной цивилизации, которое утвердит на земле всемогущий Закон Бахауллы? В разнообразных и постоянно видоизменяющихся системах государственного устройства человеческого общества — как прошлого, так и настоящего, созданных как на Востоке, так и на Западе, — отсутствуют необходимые критерии, благодаря которым можно было бы по достоинству оценить всю мощь заложенного в этом Порядке потенциала и незыблемую прочность его основ.

Будущее Всемирное Сообщество Бахаи, фундаментом которого является этот грандиозный Административный Порядок — как в теоретическом плане, так и на практике, — не только занимает уникальное место во всей истории политических институтов, но и не имеет аналогов в истории мировых религиозных систем. Ни форма демократического правления, ни автократия или диктатура, основанные на монархическом либо республиканском принципе, ни промежуточная система аристократического порядка и даже никакие типы теократии — возьмем ли мы иудейскую общину, или всевозможные организации христианской церкви, или исламский имамат и халифат — ни один из этих институтов нельзя отождествлять либо сравнивать с Административным Порядком, сотворенным державной десницей совершенного Зодчего.

Новый Административный Порядок включает в свою структуру отдельные элементы, свойственные каждой из трех форм светского правления, не являясь при этом копией какой-либо из них и не привнося в свой механизм тех недостатков, которые исходно присущи последним. В этом Порядке гармонично соединяются — что совершенно неосуществимо ни в одной из созданных руками смертных форме правления — спасительные истины, которые бесспорно заложены в каждой из существующих систем, но при этом остаются неприкосновенными богоданные заповеди, на которых он изначально основан.

Административный Порядок Веры Бахауллы ни в коем случае не должен рассматриваться как чисто демократический по своему характеру, поскольку в этом Законоцарствии совершенно отсутствует исходное положение, на котором строится всякая демократия, — получение властью мандата из рук народа. Необходимо иметь в виду следующее: и при ведении административных дел Веры, и при разработке законов, служащих необходимым дополнением к законам Китаб-и-Агдас, члены Всемирного Дома Справедливости, как о том ясно свидетельствуют речения Бахауллы, не ответственны перед теми, кого они представляют; они также не вправе руководствоваться в своих решениях эмоциями, общим мнением и даже убеждениями преданных верующих или тех, кто их непосредственно избрал. Преисполненные молитвенным духом, они должны всегда и во всем следовать голосу своей совести. Они могут — и даже обязаны — вникать в положение дел общины, они должны беспристрастно взвешивать в уме детали каждого случая, представленного на их рассмотрение, однако при этом они должны оставлять за собой право принятия независимого решения. *«Бог воистину внушит им то, что пожелает»*, — таково неоспоримое заверение Бахауллы. Они, а не те, кто прямо или косвенно избрал их, являются восприимчивыми небесного руководства, которое одновременно есть и источник силы, и конечный гарант жизнеспособности этого Откровения. Тот же, кто в этом Законоцарствии олицетворяет принцип наследственного права, был назначен толкователем слов Основателя Веры и обладает реальной властью, и в силу этого не может считаться лишь номинальным главой общины, подобно главам большинства конституционных монархий.

В то же время Административный Порядок Бахаи не следует низводить до уровня жесткой и подавляющей системы неограниченного самодержавия или усматривать в нем одну из форм абсолютистской теократии, такой, как папство, имамат или иные подобные институты, по той простой причине, что избранные верующими всего мира представители последователей Бахауллы обладают исключительным правом издавать законы по вопросам, не освещенным в Писаниях Бахаи. Ни Хранитель Веры, ни какой-либо другой институт, кроме Международного Дома Справедливости, не может принять на себя эти важнейшие полномочия или посягнуть на это священное право. Отмена института духовенства, а вместе с ним таких ритуалов, как крещение, причастие, отпущение грехов; законы, устанавливающие всеобщее право на участие в выборах местных, национальных и международного Домов Справедливости; полное отсутствие епископальной системы управления с присущими ей исключительными привилегиями, коррупцией и бюрократизмом — все это, как и многое другое, еще раз свидетельствует о

неавторитарном характере Административного Порядка Бахаи и об использовании в нем демократических методов ведения дел.

Порядок, отождествляемый с именем Бахауллы, не имеет ничего общего и с чисто аристократической системой правления, поскольку принцип наследования власти, наделяющий Хранителя Веры обязанностью толковать Учение, сочетается с наличием высшего законодательного органа, формируемого на основе прямых и свободных выборов из всего числа верующих.

Хотя Административный Порядок не может быть сведен ни к одной из известных форм государственного правления, он, тем не менее, интегрирует в себе самое положительное, что присуще каждой из них, регулируя и ассимилируя все это в рамках своей системы. Право передачи власти по наследству, которой облекается Хранитель, жизненно важные полномочия, возложенные на Всемирный Дом Справедливости, особые установления, регулирующие демократические выборы в него представителями верующих, — все это наглядно свидетельствует о том, что этот богоданный Порядок, который никоим образом не может отождествляться ни с одним из стандартных типов правления, описанных в трудах Аристотеля, воплотил в себе те положительные моменты, которые есть в каждом из типов, и соединил их с лежащими в его основе духовными принципами. В то же время все негативные черты каждой системы будут решительно и неумолимо искореняться. И потому невозможно представить себе, чтобы этот уникальный Порядок, сколь бы долго он ни просуществовал и как бы ни расширилась сфера его влияния, переродился когда-либо в одну из форм деспотизма, олигархии или демагогии — иными словами, чтобы он стал нести на себе печать того зла, которое рано или поздно поражает механизм любых созданных людьми и потому изначально несовершенных политических структур.

Горячо возлюбленные друзья! Сколь бы ни было примечательно происхождение этой мощной административной системы и как бы ни были уникальны ее черты, не менее значимыми представляются события, возвестившие о ее рождении и ознаменовавшие начальный этап ее эволюции. Сколь поразителен, сколь поучителен контраст между процессом медленной и неуклонной консолидации, который характеризует рост юного Порядка, постоянно набирающего свою мощь, и разрушительным действием сил дезинтеграции, которые сокрушают изжившие себя общественные институты современного общества — как религиозные, так и светские!

Жизнеспособность, столь мощно проявившаяся в институтах, которые входят в структуру этого грандиозного, неизменно расширяющегося Порядка; препятствия, которые были преодолены благодаря неустранимой смелости и непоколебимой решимости тех, кто управляет его системой; неугасимый огонь энтузиазма, ярко пылающий в сердцах странствующих учителей; высоты самопожертвования, которых достигают сегодня его поборники; широта видения, уверенность в будущем, радость созидания, внутренний покой, подлинная искренность, образцовая дисциплина, нерушимое единство и солидарность, проявляемые его стойкими защитниками; готовность, с которой его движущий Дух вбирает в себя самые разнообразные элементы и, очищая их от скверны предрассудков, сплавляет в единое целое в рамках своей структуры — все это свидетельства силы, которые не может более не замечать разочарованное, потрясенное до основания современное общество.

Сравните: с одной стороны — эти блистательные проявления духа, оживляющего тело молодой Веры Бахауллы, с другой — плач и страдания, безрассудство и суетность, горечь и предрассудки, злоба и разобщенность, господствующие в больном, захлестнутом смутой мире. Взгляните, каким страхом охвачены его вожди, как этот страх парализует действия слепых и вконец растерявшихся государственных мужей! Сколь сильна ненависть, сколь фальшивы амбиции, сколь мелки устремления, сколь глубоко недоверие народов мира друг к другу! Сколь страшны беззакония, коррупция, безверие, разъедающие основу потерявшей опору цивилизации!

Возможно ли не усмотреть в этом процессе постоянно углубляющегося упадка, который подобно коварному недугу поражает все новые и новые сферы человеческой деятельности и мысли, неизбежное сопутствие тому, чтобы подняться всемогущей Длани Бахауллы? Возможно ли не разглядеть в этих грандиозных событиях последних двадцати лет, которые глубоко потрясли все континенты, зловещие признаки агонии гибнущей цивилизации и в то же время — родовые схватки, предвещающие появление нового Мирового Порядка, этого Ковчега спасения рода человеческого, который неминуемо возникнет на руинах старого мира?

Катастрофическое падение могущественных монархий и империй европейского континента, предсказанное в пророчествах Бахауллы; продолжающийся процесс распада шиитской иерархии на Его родине; ниспровержение династии Каджаров, изначально враждебной Его Вере; крушение султаната и халифата — столпов суннитского Ислама, которое можно сравнить с ужасающей картиной разрушения Иерусалима во второй половине первого века Христианской эры; волна секуляризации, охватившая магометанские религиозные институты в Египте и пошатнувшаяся преданность их верных сторонников; оскорбительные нападки, которым подверглись некоторые из самых мощных христианских церквей в России, Западной Европе и Центральной Америке; распространение гибельных доктрин, подрывающих основы и разрушающих структуру, казалось бы, самых неуязвимых сфер политической и общественной жизни; признаки надвигающейся катастрофы, удивительным образом напоминающей падение Римской империи на Западе, катастрофы, которая может уничтожить всю структуру современной цивилизации,— все это свидетельствует о том смятении, которое вызвано в мире появлением сего могущественного Органа Религии Бахауллы. Смятение еще более усилится, когда люди яснее осознают то, что заложено в этой динамично развивающейся Структуре, и увидят, как ее разветвления охватили весь земной шар.

И несколько слов в заключение. Подъем и укрепление Административного Порядка — той раковины, которая защищает и укрывает драгоценную жемчужину,— отличительная черта этого второго, созидательного, периода эры Бахаи. Когда нынешние события станут историей, мы поймем, что процесс этот был главной движущей силой, обеспечившей вступление Веры в ее последнюю фазу — фазу окончательного утверждения этого славного Законоцарствия.

Однако пока эта Система пребывает в младенчестве, не допускайте, чтобы кто-либо неправильно истолковывал ее характер, умалял ее значение или в ложном свете представлял ее цели. Непреложная Воля Божия, открытая ныне человечеству,— прочное основание, на котором зиждется этот Порядок. Источник его вдохновения — Сам Бахаулла. Защита и опора этого Порядка — воинства Царствия Абха. Семя его — кровь по меньшей мере двадцати тысяч мучеников, отдавших жизнь во имя того, чтобы он мог зародиться и расцвести. Ось, вокруг которой вращаются его институты,— подлинные предписания Абдул-Баха, изложенные в Его Воле и Завещании. Ведущие принципы этого Порядка — те истины, которые непогрешимый Толкователь Учения нашей Веры ясно сформулировал в Своих публичных выступлениях во время путешествия по Западу. Законы, регулирующие деятельность этого Порядка и определяющие его функции, запечатлены в Kitab-i-Agdas. Центр сосредоточения духовной, гуманитарной и административной работы этого Порядка — Машрикул-Азкар и связанные с ним учреждения. Столпы, поддерживающие его авторитет и служащие опорой всей его структуры,— это братские институты Хранительства Веры и Всемирного Дома Справедливости. Главная цель, определяющая направление его развития,— создание Мирowego Порядка, каким его задумал Бахаулла. Методы, используемые им, установленные им мерилы не позволяют соотносить его ни с Востоком, ни с Западом; ни с иудеями, ни с язычниками; ни с богатыми, ни с бедными; ни с белыми, ни с цветными. Лозунг этого Порядка — объединение всего рода человеческого; его знамя — Величайший Мир; его апогей — наступление золотого тысячелетия, Дня, когда царства нашего мира станут Царствием Самого Бога, Царствием Бахауллы.

Шоги

Хайфа, Палестина,
8 февраля 1934 г.